

Личностный потенциал:

структура и диагностика

СМЫСЛ

Коллектив авторов

Личностный потенциал.

Структура и диагностика

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5973929

Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А.

Леонтьева: Смысл; Москва; 2011

ISBN 978-5-89357-285-8

Аннотация

Коллективная монография охватывает широкий круг вопросов психологии личности через призму новой концепции личностного потенциала – системы характеристик личности, лежащих в основе успешной саморегуляции в различных сферах жизнедеятельности. Адресуется психологам.

Содержание

Введение: личностный потенциал как объект изучения	7
Литература	19
Часть 1	21
Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному	21
Методологические тупики классической психологии личности	22
Предпосылки для новой методологии в науке второй половины XX в.	27
Контурсы новой персонологии	37
От действия к поступку	67
Заключение	76
Литература	78
Идея потенциала в науках о человеке: от «человеческого потенциала» к личностному	88
Возможное как объект осмысления в психологии	88
Методологический смысл понятия потенциала в психологии и смежных науках	96
Проблема личностного потенциала в современных науках о человеке	104
Подходы к личностному потенциалу в	113

практической психологии	
Заключение	118
Литература	119
Подход через развитие эго: уровневая теория	127
Дж. Лёвинджер	
Эго и его развитие	128
Методологические проблемы выделения стадий развития	130
Проблема периодизации развития эго	140
Описание стадий развития	145
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Коллектив авторов

Личностный потенциал.

Структура и диагностика

Авторский коллектив:

А.Ж. Аверина, Л.А. Александрова, И.А. Васильев, Т.О. Гордеева, А.И. Гусев, О.Е. Дергачева, Г.В. Иванченко, Е.Р. Калитеевская, М.В. Курганская, А.А. Лебедева, Д.А. Леонтьев, Е.Ю. Мандрикова, О.В. Митина, Е.Н. Осин, А.В. Плотникова, Е.И. Рассказова, А.Х. Фам, С.А. Шапкин

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 06-06-00449а «Структура и диагностика личностного потенциала»

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 10-06-16004д

© Коллектив авторов, 2011

© Издательство «Смысл», 2011, оформление

Все права защищены. Никакая часть электронной версии

этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Введение: личностный потенциал как объект изучения

Д.А. Леонтьев

Современная психология личности представляет собой весьма эклектичную область, специфическое предметное содержание и границы которой весьма нечетко определены. Если открыть практически любой из учебников под названием «Психология личности», «Теории личности» или «Развитие личности», мы найдем там все что угодно – от конституции до смысла жизни. Именно отсутствие четкого представления о специфическом содержании личности, помимо психических процессов, состояний и других составных частей предмета психологии, и является, на мой взгляд, основной помехой для развития этой области научного знания, которое движется сейчас очень быстрыми темпами, но направление этого движения не совсем понятно.

Ряд авторов в разное время и в достаточно разных контекстах пытались вычлнить специфическое содержание личности. Можно сослаться на идею А.Н. Леонтьева (1983) о личности как особом измерении, несводимом к тому, в котором ведется изучение психических процессов, на идею В. Франкла (1990) о ноэтическом, духовном измерении, которое надстраивается над измерением собственно психологи-

ческим, идею Б.С. Братуся (1988) о разведении личности в узком смысле слова, характеризующейся особым содержанием, и личности в широком смысле слова. Во всех этих случаях под специфическим содержанием личности подразумевалось ее смысловое измерение (смысловая ткань, внутренний мир), что нашло отражение в перекликающихся между собой вариантах понимания структуры личности (Асмолов, 1990; Братусь, 1988; Леонтьев Д.А., 1993), которые достаточно близки: во всех трех моделях вычленяется смысловая сфера личности как специфическая ее ткань.

Однако это не позволяет еще говорить об имманентной динамике собственно личностного измерения: о личностном развитии – в отличие от развития личности, о личностном здоровье – в отличие от здоровья личности (понятия зрелости, развития и здоровья описывают с разных сторон фактически одно и то же). Личностное развитие не совпадает с развитием психическим, нравственным, интеллектуальным. Есть немало данных о том, что познавательная сфера, интеллект, нравственные ориентации, смысловая сфера и т. д. различаются у людей незрелых и зрелых, личностно здоровых и нездоровых, несформировавшихся как личность и сформировавшихся, но эти глубокие отличия не первичны. Их нельзя использовать в качестве объяснения того, почему этот человек такой, а не иной.

Для обозначения этого базового измерения – собственно личностного в личности – я считаю целесообразным вве-

сти рабочее понятие «личностный потенциал» (ЛП), который прямо не коррелирует с интеллектуальным развитием, с глубиной и содержательностью внутреннего мира и с творческим потенциалом. Уже повседневный опыт дает нам интуитивное представление о подобной базовой индивидуальной характеристике, стержне личности. Среди людей, признанных неоспоримыми гениями, мы можем встретить натуры чувствительные, ранимые, болезненные, как, например, Ван Гог, Достоевский, Кафка и Мандельштам. Но среди них же мы видим и людей, которые хорошо владели собой и продуктивно и творчески строили свою жизнь – хотя порой и в крайне неблагоприятных условиях – например, Микеланджело, Пикассо, Бернард Шоу или Солженицын; им свойственна способность уверенно структурировать не только культурный, эстетический материал, но и материал собственной жизни.

Феноменологию, отражающую эффекты выраженности ЛП или его недостаточности, в разных подходах в психологии обозначали такими понятиями, как воля, сила Эго, внутренняя опора, локус контроля, ориентация на действие, резилентность и некоторые другие. Лучше всего, пожалуй, ему соответствует понятие «жизнестойкость» (*hardiness*), введенное С. Мадди (*Maddi, 1998*) в качестве операционального аналога «отваге быть» по П. Тиллиху (1995). Мадди определяет жизнестойкость не как личностное качество, а как систему установок или убеждений, в определенной мере под-

дающихся формированию и развитию, – установки на включенность в противовес отчуждению и изоляции, установки на контроль за событиями в противовес чувству бессилия и установки на принятие вызова и риска в противовес стремлению к безопасности и минимизации напряжений. Разработав тест жизнестойкости и проведя с его помощью большое количество исследований, Мадди подтвердил, что жизнестойкость является той базовой характеристикой личности, которая опосредует воздействие на сознание и поведение человека всевозможных благоприятных и неблагоприятных обстоятельств, от соматических проблем до социальных условий (подробнее см. настоящее издание, с. 178–209).

Вместе с тем все упомянутые понятия, хоть и имеют самое прямое отношение к ЛП, однако описывают лишь отдельные его грани. Когда мы говорим о личностном потенциале, речь идет не столько о базовых личностных чертах или установках, сколько об особенностях системной организации личности в целом, о сложной ее архитектонике, основанной на сложной схеме опосредствования. Например, В.А. Иванников (1991) убедительно показал, что воля обнаруживает себя не столько как сила, сколько как техника саморегуляции через опосредствование мотивации. Путь к решению проблемы личностного потенциала, по моему глубокому убеждению, лежит через смычку, с одной стороны, экзистенциальной психологии, которая на сегодняшний день уделяет наибольшее внимание феноменологии личностного

потенциала и попыткам его концептуализировать, и, с другой стороны, культурно-исторической психологии Л.С. Выготского. Основной вклад Выготского в психологию личности заключается в четком и развернутом формулировании идеи о том, что сущностной психологической характеристикой личности является овладение собственным поведением через его опосредствование (*Выготский, 1983*). Хотя Выготский не оставил теории личности, то, что он говорил про личность, позволяет рассматривать личность как наиболее интегральную высшую психическую функцию (см. *Леонтьев Д.А., 2001*), а основной характеристикой высших психических функций является, как известно, произвольность.

Личностный потенциал предстает как интегральная характеристика уровня личностной зрелости, а главным феноменом личностной зрелости и формой проявления личностного потенциала является как раз феномен самодетерминации личности, то есть осуществление деятельности в относительной свободе от заданных условий этой деятельности – как внешних, так и внутренних условий, под которыми понимаются биологические, в частности телесные, предпосылки, а также потребности, характер и другие устойчивые психологические структуры. В. Франкл (1990) подробно описывал такое проявление человеческой свободы, как свободу по отношению к собственным потребностям и к собственной телесности. Это замечательно было выражено еще Гегелем (1971, с. 26): «Обстоятельства и мотивы господствуют

над человеком лишь в той мере, в какой он сам позволяет им это». В этой фразе заключена квинтэссенция психологии личности, содержащая две истины: (1) обстоятельства и мотивы могут господствовать над человеком, и (2) обстоятельства и мотивы могут не господствовать над человеком, если он им этого не позволит. Другими словами, существуют разные формы и механизмы регуляции и детерминации человеческого поведения, которые могут «включаться» и «выключаться», в том числе механизмы самодетерминации. Самодетерминация лежит в основе таких проявлений личности, которые, как писал М.К. Мамардашвили (1990), находятся по перпендикуляру к повседневному потоку жизни. Залог возможности самодетерминации – способность человека, как в когнитивном плане (плане сознания и картины мира), так и в плане чисто практическом, отстраниться от потока жизни, в котором он плывет. Существует система постоянно действующих на каждого из нас факторов, и мы имеем возможность «плыть» в ее рамках, адаптируясь к ней, но имеем также возможность эту систему трансцендировать, включив механизмы самодетерминации. В этом трансцендентном отношении к потоку жизни прежде всего и проявляется личностная зрелость как выражение личностного потенциала. Как хорошо выразилась одна клиентка, пришедшая к психологу, «вопрос в том – я живу или жизнь меня живет?» (И.К. Подчуфарова, личное сообщение).

Личностный потенциал отражает меру преодоления лич-

ностью заданных обстоятельств, в конечном счете преодоление личностью самой себя. Сошлюсь на общую антропологическую модель Э. Фромма (1995), которая представляется мне весьма точным и полным образом человека. Фромм констатирует фундаментальную двойственность человека. С одной стороны, человек вышел из мира природы и его тянет по начертанному ею пути наименьшего сопротивления. Это путь возвращения в лоно матери-природы, путь слияния с родом, кланом и т. д., путь отказа от самостоятельности, от собственного принятия решения, в конечном счете – путь отказа от сознания и бегства от свободы. Но поскольку человек не может вернуться в это лоно, поскольку из рая он изгнан, он должен искать свой, уже человеческий путь, в чем ему никто не может помочь; он должен идти по границе двух миров, природного и человеческого, и создавать основания для своей жизни, поскольку он лишен тех оснований, которые есть у всех прочих живых существ. Собственно говоря, в том, в какой мере человек самоопределяется по отношению к этой дихотомии, также находит свое проявление личностное в личности, личностный потенциал. По сути, личностный потенциал отражает, в какой степени данный индивид произошел от обезьяны, ведь одна из самых больших иллюзий – считать, что мы уже от обезьяны *произошли*. Каждый человек на протяжении всей своей жизни продолжает решать эту задачу, и результатом разнообразия ответов на этот эволюционный вызов является очень большой спектр

индивидуальных вариаций степени человечности. К сожалению, этот образ не такой уж метафорический, каким он кажется на первый взгляд (см. подробнее *Леонтьев Д.А., 2009*).

Еще правильнее будет говорить о преодолении личностью прижизненно складывающейся структурой индивидуальности (тем, что задано «внешними» и «внутренними» условиями развития). «Личность – это не природный объект, это то, что человек в процессе индивидуального развития сам из себя делает. <...> Личность – это глобальная высшая психическая функция прогрессивного овладения собственным поведением и внесения новых высших закономерностей в процессы взаимодействия с миром и саморазвития на основе социального опыта, вычерпываемого из мира, и биологической основы, с которой мы в этот мир приходим» (*Леонтьев Д.А., 2006, с. 146*).

Личностный потенциал – это интегральная системная характеристика индивидуально-психологических особенностей личности, лежащая в основе способности личности исходить из устойчивых внутренних критериев и ориентиров в своей жизнедеятельности и сохранять стабильность смысловых ориентаций и эффективность деятельности на фоне давлений и изменяющихся внешних условий. Это способность личности проявлять себя в качестве личности, выступать автономным саморегулируемым субъектом активности, оказывающим целенаправленные изменения во внешнем мире и сочетающим устойчивость к воздействию внешних обстоя-

ательств и гибкое реагирование на изменения внешней и внутренней ситуации.

Понятие ЛП содержательно раскрывает идею «изменяющейся личности в изменяющемся мире» (Асмолов, 1990). Оно идет на смену понятию адаптации, подразумевая сложные механизмы совладания с изменчивой действительностью – не только приспособление к заданным условиям, но и готовность к их изменению и способность к самостоятельному созданию необходимых условий. Способность человека выполнять задуманное вне зависимости от внешних условий, в том числе в неблагоприятных условиях, является неоспоримой ценностью как во многих областях профессиональной деятельности, так и в повседневной жизни.

В последнее время для понимания этого аспекта личности часто используются понятия субъекта и субъектности и англоязычный аналог последнего – понятие «agency» (Р. Харре, Дж. Ричлак, А. Бандура и др.; см. об этом подробнее *Леонтьев Д.А.*, 2010). Можно согласиться с теми взглядами, которые связывают понятие субъекта с определенными априори не гарантированными функциональными способностями реально управлять ходом своей деятельности, характеризующимися индивидуальным разбросом и динамикой становления в онтогенезе (А.В. Брушлинский, В.В. Знаков, В.И. Моросанова, Е.А. Сергиенко и др.). Действительно, далеко не каждый из нас в каждый момент своей жизнедеятельности выступает подлинным субъектом того, что он

делает; действуя на основе стимул-реактивного или другого безличного механизма, индивид не осуществляет подлинное субъект-объектное отношение.

В 2001–2002 гг. под моим руководством на факультете психологии МГУ начала складываться неформальная исследовательская группа по изучению психологии самодетерминации, включавшая в себя преимущественно студентов и аспирантов. Мы стремились нащупать новые подходы в изучении личности в отсутствие априорной исследовательской программы, методов и т. п., не порывая при этом с устоявшейся методологией и базой знаний, стараясь найти и заполнить в них белые пятна. Работой группы руководил интерес в первую очередь к тем аспектам личности, которые не изучались традиционной психологией и традиционными широко распространенными методами, прежде всего в силу отсутствия адекватных подходов и инструментов. За прошедшее время разрозненные исследования и первоначально разрозненные теоретические идеи сложились в далеко еще не законченную, но вполне целостную концепцию и исследовательскую программу. На данный момент группа выросла в межкафедральную лабораторию факультета психологии МГУ по психологическому изучению качества жизни и личностного потенциала; в русле ее исследовательской программы создана специализированная лаборатория проблем развития личности лиц с ограниченными возможностями здоровья в МГППУ и лаборатория позитивной психоло-

гии и качества жизни в Высшей школе экономики; проводятся исследования в ММА им. И.М. Сеченова, в вузах и научных центрах других городов, от Смоленска до Камчатки. В русле этой программы за последние годы было защищено несколько кандидатских диссертаций (О.Е. Дергачевой, Е.Ю. Мандриковой, Л.А. Александровой, Е.Н. Осиним), выполнено несколько серьезных исследовательских проектов, в том числе: «Структура и диагностика личностного потенциала» (Российский гуманитарный научный фонд, 2006–2008); «Индикаторы и предикторы психологического благополучия и личностного потенциала школьников в системе общего образования» (ФЦП развития образования, 2007–2009); «Личностные ресурсы совладания в условиях хронического стресса» (Российский гуманитарный научный фонд, 2009–2010).

Цель данной коллективной монографии, созданной участниками межкафедральной (а на сегодняшний день уже фактически межвузовской и межведомственной) научно-исследовательской группы по исследованию самодетерминации и личностного потенциала – современная постановка проблемы личностного потенциала и нащупывание подходов к его изучению и диагностике на новом витке развития научного знания. Она включает в себя четыре части. Первая часть носит обзорно-теоретический характер и посвящена постановке проблемы личностного потенциала, в частности, взглядам в мировой психологии, которые могут так или иначе рас-

смагиваться как попытки решения этой проблемы в разных понятийных системах и на разной методологической основе: в терминах потенциала и возможностей, уровней развития эго, черт (сил характера и добродетелей) и, наконец, саморегуляции. Вторая часть посвящена составляющим личностного потенциала, отдельным конструктам, которые вносят осязаемый вклад в его функционирование. В их числе такие личностные характеристики, как оптимистическое мышление, жизнестойкость, витальность, личностная автономия, толерантность к неопределенности, стратегии совладания и др. Небольшая третья часть посвящена методологическим аспектам исследования личностного потенциала. Наконец, в четвертой части нашли отражение некоторые из исследований, в которых объяснительные возможности концепции личностного потенциала раскрываются на эмпирическом материале. Заключительная глава подводит предварительные итоги и намечает перспективы дальнейшей работы, которые, безусловно, намного шире того, что представлено в монографии.

Литература

Асмолов А.Г. Психология личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.

Братусь Б.С. Аномалии личности. М.: Мысль, 1988.

Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 3.

Гегель Г.В.Ф. Философская пропедевтика // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: В 2 т. М.: Мысль, 1971. Т. 2. С. 5–209.

Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977.

Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 1.

Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. М.: Смысл, 1993.

Леонтьев Д.А. Личностная зрелость как опосредствование личностного роста // Культурно-историческая психология развития / Под ред. И.А. Петуховой. М.: Смысл, 2001. С. 154–161.

Леонтьев Д.А. Личность как преодоление индивидуальности: контуры неклассической психологии личности // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / Под ред. А.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2006. С. 134–147.

Леонтьев Д.А. Человечность как проблема // Человек – наука – гуманизм: К 80-летию со дня рождения академика И.Т. Фролова / Отв. ред. А.А. Гусейнов. М.: Наука, 2009. С. 69–85.

Леонтьев Д.А. Что дает психологии понятие субъекта. субъектность как измерение личности // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. 25. № 3. С. 136–153.

Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990.

Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 5–237.

Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М.: Юрист, 1995.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992.

Фромм Э. Человеческая ситуация. М.: Смысл, 1995.

Maddi S.R. The search for meaning // The Nebraska symposium on motivation 1970 / W.J. Arnold, M.H. Page (Eds.). Lincoln (NB): University of Nebraska press, 1971. P. 137–186.

Maddi S. Creating Meaning Through Making Decisions // The Human Search for Meaning / P.T.P. Wong, P.S. Fry (Eds.) Mahwah (NJ): Lawrence Erlbaum, 1998. P. 1–25.

Часть 1

В поисках основы личности

Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному

Д.А. Леонтьев

*Сведи к необходимым всю жизнь,
И человек сравняется с животным.*

У. Шекспир «Король Лир»

Акт 2, сцена 4

Пер. Б. Пастернака

Любое научное исследование разворачивается в контексте идей своего времени – или устоявшихся и общепризнанных, или новаторских, претендующих на изменение научных подходов, а иногда и тех, и других одновременно. Цель данной главы – эксплицировать методологические и общетеоретические ориентиры развиваемого нами подхода, прежде всего в контексте состояния мировой психологии личности в начале нового тысячелетия.

Методологические тупики классической психологии личности

Не претендуя на охват всей психологии личности, хотелось бы эксплицировать главные посылки, на которых основывается основная линия психологии личности XX в., во многом зашедшая в методологический тупик, хотя наряду с этой основной линией возникают и развиваются многообразные альтернативные подходы. Господствующая в этой области методология эмпирических исследований носит ограниченный характер, что связано прежде всего с тем, что из правильных принципиальных теоретических обобщений имплицитно делаются уже не столь бесспорные выводы, которые и направляют исследования:

1. Из детально аргументированного еще в 1920-е гг. положения о том, что психологические феномены законосообразны, подчиняются не просто стохастическим закономерностям, а достаточно четким и однозначным законам (см. Левин, 2001), выводится ложное, логически не вытекающее из него следствие, что у всех людей одни и те же психологические феномены подчиняются *одним и тем же* законам. Если мы изучаем разные выборки, разные группы, разные культуры, то, как правило, речь идет о том, что «уравнения» включают в себя разные параметры, разные константы, но сами уравнения в принципе не меняются, законы носят об-

щий характер.

2. Из эмпирической очевидности индивидов как целостных и отграниченных друг от друга объектов анализа, жестко определенных в своих границах, выводится аналогичный, но также не столь однозначный вывод в отношении личности. Изучая личность, мы изучаем четко отграниченную от других единицу. У нее есть черты, свойства, состояния, являющиеся неотъемлемым достоянием именно этой единицы, отличающие ее от других единиц. Это, однако, нельзя переносить на такие сравнительно недавно вошедшие в сферу психологического анализа личности переменные, как смыслы, ценности, сценарии, нарративы и др., которые транслируются от индивида к индивиду (см. *Леонтьев Д.А.*, 2010а).

3. Из неоспоримой констатации того, что определенные феномены, с которыми мы сталкиваемся в этой области, не вписываются в естественнонаучную парадигму количественного измерения и требуют феноменологического анализа, понимания, интерпретации, диалогического подхода и др., делается необоснованный вывод об альтернативности и даже несовместимости гуманитарного и естественнонаучного подходов к психологии человека, между которыми надо выбирать: или – или.

4. Из вполне адекватной и разумной посылки о том, что психологические феномены входят, как и вся остальная реальность, в сферу научного познания, делается не вполне обоснованный вывод, что все психологические феноме-

ны полностью детерминированы в том понимании, в котором идея детерминизма присутствует в естественных науках, объясняются причинно-следственными связями, например, поведение описывается как функция от личности и ситуации (*Левин, 2001*). В книгах по методологии психологии формулируется принцип детерминизма, означающий, что все неслучайно, все детерминировано, все обусловлено. Вместе с тем, в психологии существуют модели «жесткого» и «мягкого» детерминизма (см. *Леонтьев Д.А., 2000*); детерминизм не тождествен пандетерминизму (*Франкл, 1990*), и пространство детерминизма находится во взаимодействии с пространством человеческой свободы (*May, 1981*).

5. Из данных, полученных на больших выборках, в которых обнаруживаются убедительные значения корреляции генетических переменных, фиксируемых к моменту рождения, и психологических переменных, измеряемых в том или ином возрасте, делаются выводы о «генетической детерминированности» тех или иных психологических процессов и форм поведения. Однако наличие даже очень высокосignificантной корреляции не позволяет говорить о фатальном детерминизме. Наследственность можно метафорически уподобить настройкам компьютера «по умолчанию». Если взять большую выборку людей, которые приобрели в магазине готовые к работе персональные компьютеры, и через 2–3 года сопоставить их настройки с настройками, которые стояли «по умолчанию» в момент покупки, то мы, без сомнения,

обнаружим весьма высокую их корреляцию – ведь большинство пользователей просто «не залезает» в настройки, а многие и не подозревают об их существовании. Следует ли из этого, что настройки не могут меняться? Нет, просто лишь небольшое число пользователей компьютеров вторгаются в системные настройки и что-то в них для себя переделывают. Подавляющее большинство сохраняет настройки по умолчанию.

Возможно, по аналогии с этим следовало бы трактовать и «генетическую детерминированность». Мы не очень квалифицированные пользователи самих себя, и убедительные корреляции определенных поведенческих переменных с их генетическими предпосылками, в частности, по данным близнецовых исследований, не говорят о том, что генетические механизмы жестко детерминируют формы поведения. Это происходит, лишь если личность не включается в этот процесс как «третий фактор» (*Dabrowski, 1964*), способный радикально трансформировать этот процесс.

Преувеличение меры фатальности влияний среды, наследственности и других детерминирующих нашу жизнедеятельность факторов является, видимо, прямым следствием отсутствия знания и понимания того, как можно что-то менять в себе и своей жизни. Многим практическим психологам прекрасно известно, насколько далеко эти возможности выходят за рамки расхожих представлений, хотя добиться понимания этого трудно потому, что это именно возмож-

ности, реализация которых не гарантирована и зависит от очень многих факторов. Трудно в стиле популярных книг сформулировать четкие алгоритмы того, что можно, а что нельзя, и какой путь ведет к гарантированному успеху, хотя попытки и делаются (*Seligman, 1994*). Во всяком случае, внутренний цензор, порождающий априорные самоограничения, как обычно, строже внешнего.

Таким образом, в начале XXI столетия психология личности так и не смогла выйти из плена ряда основополагающих бинарных оппозиций, которые в свое время сыграли в ее развитии прогрессивную роль, но на данный момент вполне себя исчерпали: биологическое – социальное, свобода – детерминизм, личность – ситуация, гуманитарное – естественнонаучное, врожденное – приобретенное, ситуативное – устойчивое.

Отчасти их исчерпанность связана с тем, что эмпирическая психология личности, которая развивалась на протяжении XX в., во многом отталкивалась от обыденного сознания, для которого очевидно, что каждый человек равен самому себе, что в разных ситуациях он поведет себя во многом схожим образом. Это заметил, описал и констатировал еще Феофраст и обобщил Аристотель: человек ведет себя так или иначе в силу своей природы, того, что в него заложено – личностной диспозиции, темперамента, характера и т. д. – «первый взгляд» на причины поведения, как это назвал Х. Хекхаузен (1986, с. 18). Если поведение человека

обнаруживает вариативность в разных ситуациях, естественным образом возникает идея о ситуативных влияниях, о реагировании на особенности ситуации, окружения, об адаптации к внешним факторам, – Х. Хекхаузен (*там же*, с. 19) описал это как «второй взгляд». «Второй взгляд» в чистом виде продержался совсем мало, плавно перейдя в «третий взгляд» (*там же*, с. 27–28), в парадигме которого мы и живем до сих пор: причины всего видятся во взаимодействии личности с ситуацией, зависимые переменные являются в конечном счете функцией взаимодействия этих двух групп детерминант. Законы сопряжения внутренних и внешних причин довольно универсальны, едины для всех, главное – точно все измерить, а гуманитарно-понимающий, гуманистический и т. п. подход не имеет к научной психологии никакого отношения.

Предпосылки для новой методологии в науке второй половины XX в.

Сегодня указанные предпосылки, на которых основывается психология личности, вряд ли могут удовлетворять, тем более что во второй половине XX в. в мировой науке возник ряд новых идей, которые в эти предпосылки не вписываются.

(1) Идеи системного подхода, которые предполагают, что любые закономерности могут меняться в зависимости от других закономерностей, действующих на более высоких

уровнях. В. Франкл (1990) отмечал, что ограничения и жесткие детерминационные связи, господствующие на телесном и душевном уровнях организации человека, преодолеваются на более высоком, духовном уровне организации. В развернутом виде эта идея содержится в теории интегральной индивидуальности В.С. Мерлина (1986). Мерлин отмечал, что если связи между свойствами, или переменными (элементами системы), принадлежащими к одному и тому же уровню системной организации, носят, как правило, одно-однозначный характер, то связи между свойствами, относящимися к разным уровням, являются иными: одно-многозначными и много-многозначными. Другими словами, одно свойство может быть одновременно связано с разными связями других уровней. Более того, возможны не прямые, а опосредованные связи между свойствами, которые можно метафорически назвать транзисторными связями – по аналогии с электродинамикой в полупроводниковых соединениях. В простейшем транзисторе имеются два электрода, между которыми течет ток, когда цепь замкнута, и третий – опосредующий это замыкание; в зависимости от подаваемого на него тока меняется сила тока между двумя другими электродами, то есть устанавливается связь более высокого уровня, которая изменяет процессы на более низком уровне. Последние в результате не носят инвариантного характера, они могут изменяться под влиянием более высоких закономерностей.

(2) Идеи эволюционизма, которые предполагают, что за-

кономерности некоторого процесса не остаются всегда неизменными; в ходе развития одни из них сменяются другими. Например, развитие личности ребенка до подросткового возраста сильнее всего коррелирует с характеристиками семейного окружения и родительского отношения; с подросткового возраста, однако, эта связь пропадает и наиболее сильное влияние на формирование личности ребенка начинают оказывать характеристики активности самого ребенка, точнее, подростка (*Немировский, 1987*). Другой пример: по последним данным обработки известного Гарвардского лонгитюда, участники которого проходят регулярные психологические обследования на протяжении более полувека, предикторы продолжительности жизни, здоровой и эмоционально благополучной старости оказываются разными в разные возрастные периоды: физическая активность, интеллектуальная активность, курение и другие позитивные и негативные факторы сильно сказываются на благополучной старости в одном возрасте и почти не влияют в другом (*Vaillant, 2002*). Несмотря на непрерывность самого процесса развития, в нем есть свои критические точки, в которых меняется характер движущих сил, ключевые закономерности, управляющие этим процессом.

(3) Гуманитарный взгляд на человека, в свете которого предмет изучения наук о человеке были введены содержания: смыслы, ценности, идеи, образы, символы, то есть то, что имеет качественную характеристику, что можно семио-

тически описать, что имеет более или менее устойчивое значение. Все содержания не являются достоянием лишь того индивида, в сознании которого мы их обнаруживаем; если на уровне свойств, процессов и состояний, традиционно изучавшихся психологией, мы все оказываемся по отношению друг к другу замкнутыми монадами, то в плане содержаний мы все разомкнуты по отношению друг к другу. Существует процесс циркуляции содержаний, их диалогического взаимодействия и обмена, и эта циркуляция связывает разных индивидов не только между собой, но и с общим культурным фондом человечества. Понятие неклассической психологии в узком смысле слова отождествляется в данном случае с акцентом на изучение процессов циркуляции содержаний между индивидуальным сознанием и культурой (*Леонтьев Д.А., 2008a*); именно эта циркуляция отличает личность от индивидуальности (см. подробнее *Леонтьев Д.А., 2006 г*). Важно, что в число содержаний входит не только фактическое, но и возможное; на этом мы остановимся ниже. Специфической качественной методологией гуманитарного подхода выступает методология качественных исследований, развитие которых получило большой импульс в последние десятилетия (см. *Улановский, 2009*).

(4) Идеи экзистенциального миропонимания (см. *Леонтьев Д.А., 2007a*) и некоторых родственных ему подходов, в частности, деятельностного подхода в психологии. В них реализуется идея «существование предшествует сущно-

сти» (*Сартр*, 1989, с. 323). Если традиционное психологическое исследование рассматривает поведение как функцию от личности и ситуации, предполагая, что ситуативные процессы поведения производны от устойчивых диспозиций, то экзистенциально-деятельностный взгляд утверждает, что деятельность, процесс, бытие в мире первично по отношению к ее кристаллизованным в личностных структурах формам: посеешь поступок – пожнешь привычку, но не наоборот.

(5) Представления о том, что сознание выступает основной психологического функционирования особого рода, несводимого к действию закономерно срабатывающих автоматизмов, описываемых традиционной психологией (*Выготский*, 1983; *Мамардашвили*, 1990 и др.). Включение сознания в схему рассмотрения приводит к своеобразному «удвоению» психологической реальности. Так, наряду с эмоциями как таковыми обнаруживается вторичное отношение к собственным эмоциям, от которого в конечном счете зависит не меньше, чем от самой исходной эмоциональной реакции. Например, известно, что тревога по поводу непредсказуемости будущего сама по себе не приводит к негативным последствиям, если человек не начинает испытывать вторичную тревогу из-за своей тревоги и пытаться устранить ее (см. *Леонтьев Д.А.*, 2003). На это обращают внимание и современные западные авторы: «Люди – не просто пассивные субъекты, которые испытывают эмоции. Помимо переживания эмоций, индивиды отслеживают их, регулируют и в некоторых

случаях борются с ними. Индивиды формируют отношения со своими собственными субъективными поведенческими и физиологическими аффективными реакциями, которые могут делать их уязвимыми для психологического дистресса и расстройств (например, тревожности, подавленности) или, наоборот, увеличивать их сопротивляемость, повышая вероятность эмоционально удовлетворяющего, вовлеченного и осмысленного существования» (*Kashdan, 2007, p. 303*). Т. Кашдан ссылается на растущие свидетельства того, что регуляция является очень важным фактором в позитивных психологических процессах и их исходах, и подчеркивает, что одна из трудностей понимания регуляции эмоций заключается в том, что эмоции могут регулироваться как произвольными, целенаправленными и предполагающими некоторые усилия стратегиями, так и автоматическими, спонтанными процессами. В одном случае налицо сознательная регуляция, в другом – автоматическая регуляция; уже начинают появляться исследования, в которых эти два способа регулирования положительных эмоций и их возможные синергетические взаимодействия между собой сопоставляются.

Аналогичное удвоение обнаруживается не только применительно к эмоциям, но и практически везде. Так, наряду с мотивами, побуждающими действие, немалую роль играет отношение личности к своим мотивам, выражающееся в разной степени их «приватизации», принятия личностью, признания ответственности за них (см. *Файзуллаев, 1985; Нют-*

тен, 2004). Это отношение, предпосылкой которого служит рефлексивное сознание (см. ниже), гораздо вариативнее, чем сами мотивы, и может существенно влиять на их проявление. Разные люди, имеющие одни и те же ценности, могут по-разному относиться к этим ценностям. При одном и том же сделанном нами фактическом выборе у нас может быть разное отношение к нему (см. *Леонтьев, Мандрикова, Фам, 2007*). Другими словами, над уровнем произвольно функционирующих механизмов возникает рефлексивная «надстройка», существенно влияющая на функционирование этих механизмов; предпосылкой подобной рефлексивной саморегуляции служит самодистанцированное рефлексивное сознание. Черты, мотивы, эмоции, состояния – это то, что мы в себе обнаруживаем, но не порождаем; мы их носители, но не авторы. Кроме них, однако, есть еще стратегии и цели, которые мы творчески вырабатываем. Именно благодаря ним человек может выступать как субъект жизнедеятельности.

Важно подчеркнуть две особенности этой рефлексивной надстройки. Во-первых – ее факультативность: она существует лишь как возможность, но не как универсальная необходимость. Эмоции, черты, состояния, побуждения, устойчивые тенденции поведения и диспозиции всегда есть у любого человека и не только человека. Однако не всегда и не у всех мы обнаруживаем какие бы то ни было цели, стратегии, рефлексивное сознание. Более типично, увы, детерми-

нированное, программируемое и прогнозируемое существование, которое сводится к императивной необходимости; множество факультативных возможностей, которые являются частью собственно человеческого потенциала, в таком существовании не реализуется. Во-вторых, особенностью описанного рефлексивного отношения является его независимость от первичного, базового, «естественного» механизма. Даже переживание собственного безусловного счастья может вызывать парадоксальный дискомфорт на рефлексивном уровне, например, настороженность из-за непривычки к такому состоянию, ощущение вины и незаслуженности, переживание неправильности безмятежного счастья в мире, где люди страдают и гибнут... (Как афористично сформулировал писатель и психолог Андрей Гусев: «Нет денег – нормальное состояние. Есть деньги – ненормальное состояние. Много денег – ужасное состояние».) Когда мы переходим на уровень рефлексивного сознания, на котором способны занять позицию по отношению к самому себе, в том числе к собственной деятельности и личности, мы вступаем в мир парадоксов и сложных диалектических противоречий.

Эти и другие новые идеи создают предпосылки для радикального переосмысления понятия личности в психологии и стратегий и ориентиров ее исследования. Несколько утрируя, можно сказать, что существуют две психологии: психология «естественного человека» как пассивного, влекомого, управляемого, предсказуемого существа и психология

«рефлексивного человека», выступающего субъектом собственной активности. Эта «вторая психология» представлена на сегодняшний день в первую очередь экзистенциальной психологией и культурно-исторической деятельностью психологией. И та, и другая описывают собственно человеческий режим психологического функционирования человека на основе характерных для него механизмов овладения произвольной саморегуляцией, рефлексивного сознания и опосредствования. В этом режиме осознанного функционирования человек, ориентируясь больше на возможности, чем на необходимость, оказывается намного менее детерминирован и предсказуем, чем в режиме автоматического функционирования поведенческих «механизмов». По большому счету, все подходы, которые описывают человека как управляемое, пассивное, запрограммированное существо, легко предсказуемое в своих действиях, абсолютно правы с одной оговоркой – чтобы полностью соответствовать этим прогнозам, необходимо расслабиться и выключить рефлексивное сознание. Тогда мы оказываемся программируемыми и прогнозируемыми существами, одинаковыми в своем поведении и в принципах организации своей жизнедеятельности.

Попыткой переосмысления на этой основе стратегических ориентиров понимания и исследования личности в психологии и является данная статья. Сразу оговорим, что мы отнюдь не призываем отказаться от того, что наработано традиционной психологией; речь идет лишь об осознании огра-

ниченности этих представлений. Не отрицая того, что «первая психология» успешно выявила и продолжает выявлять многие реально работающие закономерности, принося немало практической пользы, мы видим все больше свидетельств того, что этими закономерностями не исчерпывается психология личности. Личность проявляет себя, причем в своих наиболее существенных характеристиках, на ином, более высоком уровне функционирования, на котором иные закономерности более высокого порядка могут преодолевать действие базовых, универсальных закономерностей подобно тому, как взлетающий самолет, не отменяя законов тяготения, преодолевает их действие благодаря использованию законов более высокого порядка – законов аэродинамики. «Вторая» психология вбирает в себя «первую», обозначая ее границы подобно тому, как физика Эйнштейна обозначила границы применимости Ньютоновой физики, не отрицая ее в целом. Основной проблемой оказывается проблема сопряжения достаточно разных языков и терминологических систем, посредством которых описывается функционирование человека в одной и в другой системах отсчета. Они различаются между собой во многих отношениях, однако в качестве системообразующего момента мы рассматриваем проблему детерминизма/самодетерминации жизнедеятельности личности, связывая «первую», традиционную психологию с акцентом на необходимости и детерминированности, а «вторую» психологию – с акцентом на возможности и самодетер-

Контурь новой персонологии

Х. Хекхаузен упоминал еще «четвертый взгляд» на причины поведения, в котором он видел перспективу, завтрашний день психологии мотивации – взгляд на внешнюю ситуацию как на пространство не стимулов, а возможностей (Хекхаузен, 1986, с. 32). Именно с введением в лексикон психологии личности категории возможного как ключевой категории мы связываем ее выход на новый уровень понимания и новый оперативный простор.

Значимость категории возможного для понимания человека подчеркивали в свое время самые разные философы и психологи, иногда в очень энергичных выражениях, но, как правило, весьма тезисно, неразвернуто, как бы между делом. В числе первых, кто ввел эту категорию в человекознание, были Ф. Ницше и У. Джеймс; позднее об этом писали Ж.-П. Сартр, В. Франкл, М. Босс, С. Мадди, Х. Хекхаузен, М. Чиксентмихайи; из русскоязычных авторов этой проблеме уделяли серьезное внимание М.К. Мамардашвили, А.М. Лобок, А.А. Брудный, Г.В. Иванченко. Однако практически единственным автором, у кого эта идея оказалась проработана последовательно и завершено, является М.Н. Эпштейн (2001; 2004). В его «Философии возможного» вводится строгое логическое модальное определение «возмож-

ного» – «это то, что может быть», хотя и не обязательно быть (Эпштейн, 2001, с. 290), в отличие от «необходимого» как того, «что не может не быть» (там же, с. 291). Взгляд под этим углом зрения на все продукты человеческого духа позволяет убедиться, что не приходится аргументированно говорить о том, что они детерминированы, то есть необходимо должны были быть созданы и быть именно такими, какими они оказались. Можно в качестве примера рассмотреть исторические деяния выдающихся людей, которые отличает как раз их непредопределенность, или произведения искусства, особой ценностью из которых отмечены те, которые нарушают ожидания аудитории. М.К. Мамардашвили говорил про целый ряд феноменов – добро, любовь, мысль, свободу, – что они невозможны, но случаются (см. Мамардашвили, 1995; 1997). Это значит, что нет таких законов, таких формул, таких причинных цепей, которые бы детерминистически эти феномены порождали. Строго говоря, в терминах модальной логики М.Н. Эпштейна применительно к ним некорректно говорить о невозможном, так как они случаются, но они не необходимы, за ними не стоят какие-то закономерности, которые бы их законосообразно порождали.

С этим связан выдвигаемый нами *первый тезис* назревшего нового подхода к пониманию личности: *в предметную область психологии, в частности, психологии личности, входит особая группа феноменов, относящихся к области «возможного», которые не порождаются при-*

чинно-следственными закономерностями. М.К. Мамардашвили писал про это применительно к проблеме добра и зла: если мы попытаемся проанализировать, что привело преступника к преступлению, мы часто можем выяснить и проследить цепочку причинно-следственных связей, факторов и закономерностей (наследственность, неблагополучная семья, дурное влияние улицы и т. д.), но если мы поставим вопрос о том, что вызвало какой-то добрый поступок, это будет невозможно, ибо нет таких причин, которые по автоматически действующему механизму порождали бы добро. Эти феномены не «необходимы», но они и не случайны, не имеют чисто вероятностной природы. Они связаны с уникальной природой человека как «кентаврического» существа, которое является объектом как естественнонаучного, так и гуманитарного рассмотрения. *Соотношение естественнонаучной и гуманитарной парадигм понимания человека определяется тем, что естественнонаучная психология изучает человека как обусловленное существо, крайне сложный автомат, а психологические феномены – в тех аспектах, в которых они выступают как «необходимые», то есть порождаемые причинно-следственными закономерностями, как то, чего «не может не быть». Гуманитарная, или, как в последнее время часто говорят, «неклассическая», психология изучает их в тех аспектах, в которых они выступают как недетерминированные, «возможные».*

В психофизиологическом функционировании человека, личности присутствует и то и другое. Есть целый ряд феноменов, которые удается понять только как возможные, недетерминированные, негарантированные. В ноябре 1999 г. автор данной статьи зашел в типографию, где печаталась его книга «Психология смысла», узнать, как обстоят дела. Типографские работники, удовлетворив любопытство автора, задали свой вопрос: а что вообще говорит современная наука – смысл есть или его нет? Озадаченный автор после некоторой паузы ответил «от имени современной науки»: если считать, что смысл есть, то он будет, а если считать, что смысла нет, то его и не будет, потому что взяться ему в этом случае неоткуда. Эта формула парадоксальна с точки зрения традиционной психологии, с точки зрения классического детерминизма, но, тем не менее, реальность такова: смысл сам себя порождает.

Добавим к этому личному примеру пару столь же показательных примеров из истории. Уильям Джеймс, происходивший из гуманитарной семьи – его отец был известным богословом, а младший брат стал знаменитым писателем, в молодые годы учился в Европе на врача. «Потеряв веру в свободу волеизъявления, он был совершенно подавлен мыслью, что все его поступки не более, чем простые реакции, как у павловских собак, и тогда невозможно достижение никаких целей. Состояние депрессии длилось несколько месяцев, и он уже подумывал о самоубийстве» (Мэй, 1994, с. 130). В

конце концов он нашел выход: «Ему пришло в голову *поставить* на свободу. Он решил, что, просыпаясь утром, он будет верить в свободу хотя бы на один день. Он выиграл свою ставку. Вера в свободу обернулась *самой свободой*» (*там же*). В решении этой проблемы родился главный принцип позднее сформулированной Джеймсом философии прагматизма (*Джеймс, 1997*), перекликающийся с тем, что в последнее время описывается в психологии как механизм «самоосуществляющегося пророчества»: если верить в свободу, то она становится реальностью, а если верить в несвободу, детерминированность, то они тоже становятся реальностью. «Даже если существование свободного выбора недоказуемо, человек, который верит в него, все равно по какой причине, будет вести себя иначе, чем человек, который не верит. Сталкиваясь с огромным давлением обстоятельств, провоцирующих деловую нечестность, бизнесмен, верящий в строгий детерминизм, будет скорее склонен ему поддаться, чем его коллега, убежденный, что, как бы то ни было, человек свободен занять свою позицию и противостоять любым силам, влияющим на его поведение» (*Csikszentmihalyi, 2006, p. 11*). Ставя на несвободу, я также выигрываю свою ставку, но свободу при этом проигрываю. Проиграть в этой игре нельзя, но вот выигрыш в ней может оказаться совершенно разным. Другой пример, который приводит Мэй, – пример Блеза Паскаля, который аналогичным образом в отсутствие достоверного знания решил поставить на то, что во Вселен-

ной есть смысл – в результате этого смысл реально возник (Мэй, 1994).

Второй тезис вводит иерархические отношения между сферой необходимого в человеке и сферой возможного. Некоторое время тому назад (Леонтьев Д.А., 2001) автором был предложен метафорический образ «пунктирного человека», под которым подразумевается, что *человек не всю свою жизненную траекторию проходит на одном и том же уровне, не все время действует и функционирует как человек, реализуя человеческий потенциал*. Схожая идея была предложена философом Ф.В. Лазаревым в его «интервальном подходе», который признает множественность частных перспектив и взглядов на человека (Лазарев, Литтл, 2001). Не случайно популярны такие метафоры, как «животное существование» и «растительное существование»; мы проходим часть траектории нашей жизни, временно регрессируя на более примитивные, субчеловеческие уровни, подобно тому, как самолет, едущий по шоссе или по взлетной полосе, не проявляет своего потенциала самолета и не выходит за рамки возможностей автобуса. В человеке есть все то, что есть у более низкоорганизованных животных, благодаря чему человек может функционировать на «животном» уровне, не включая свои специфические человеческие проявления. *Траектория человека в мире является пунктирной, прерывистой, потому что отрезки функционирования на человеческом уровне перемежаются отрезками*

субчеловеческого функционирования. При этом человеческий и субчеловеческий режимы функционирования не равноправны. Существование на субчеловеческом уровне основано на общебиологических механизмах, подчиняется законам природы, причинной необходимости, поэтому оно протекает «на автопилоте». Привлекательность такого функционирования, «искушение субчеловеческим» обусловлено тем, что оно не требует усилий, это энергосберегающий режим функционирования. Напротив, все подлинно человеческое энергозатратно, оно не протекает автоматически, не порождается причинно-следственными связями и требует усилий, которые, безусловно, окупаются, но сама необходимость их отвращает многих от человеческого пути. Путь наименьшего сопротивления одновременно является и путем наименьшей реализации человеческих возможностей. Одним из проявлений искушения субчеловеческим служит современная массовая культура, которая представляет собой культуру расслабления, в отличие от традиционной культуры усилия (см. подробнее *Леонтьев Д.А., 2010б*).

Третий тезис: именно то, что в нашей жизни, помимо необходимого, существует сфера возможного, вводит в жизнь человека измерение самодетерминации и автономии. Этим, в частности, предлагаемый подход отличается от известной теории автономии и самодетерминации Эдварда Деси и Ричарда Райана – очень умной, стройной, тонкой, изящной, богатой по своим возможностям, многократно и

убедительно эмпирически подтвержденной и крайне эффективной и разносторонней в своих приложениях (см. *Deci, Ryan, 2002*). Несмотря на это, при подробном ознакомлении с этой теорией оставалось ощущение какого-то неустранимого противоречия, которое автору удалось осознать лишь недавно. Согласно теории Деси и Райана, автономия, или самодетерминация, возникает сама, автоматически, в результате определенного процесса эволюционного развития механизмов саморегуляции как высший ее уровень, то есть детерминированно, причинно обусловленно. Потребность в автономии постулируется как одна из трех базовых потребностей человека, и множество эмпирических данных подтверждают, что удовлетворение этой потребности ведет к росту здоровья и психологического благополучия, а ее фрустрация – к противоположным эффектам. Однако не парадоксально ли утверждение, что автономия и способность к самостоятельному причинно обусловленному выбору возникают в результате причинно детерминированного процесса? В этой теории недостает ответа на главный вопрос – зачем человеку автономия и самодетерминация, вопрос об их смысле.

Наш ответ на этот вопрос таков: ***автономия и самодетерминация нужны человеку для того, чтобы ориентировать поведение в пространстве возможного.*** Если все необходимо и причинно обусловлено, то автономия личности лишена практического смысла. И наоборот, если мы признаем пространство возможного, то без идеи самодетерми-

нации не обойтись, потому что *превращение возможности в действительность происходит только через недетерминированный (точнее, самодетерминированный) выбор и решение субъекта*. В сегодняшней психологии уже привыкли к таким понятиям, как «смысл», «ценности», «истина», но еще недостаточно осознали их отличие от более традиционных конструктов. Это отличие связано с тем, что все они не являются автоматическими, самостоятельно срабатывающими механизмами; их влияние на человеческую жизнедеятельность реализуется только через самоопределение субъекта по отношению к ним, через осознание и непреднамеренный ответственный выбор. Когда субъект противопоставляет свое сознательное решение автоматическим срабатывающим механизмам, он вводит в регуляцию своей жизнедеятельности новые, более высокие принципы регуляции и организации собственной деятельности и из режима детерминированности переходит в иной режим функционирования – режим самодетерминации.

Самодетерминация работает по неклассическому принципу Архимедова рычага: дайте мне точку опоры, и я переверну Землю. Архимеду не доставало точки опоры вне того места, где он находился. Для воздействия на самого себя также необходима внешняя точка опоры, которая может стать местом психологического рычага, – поскольку, не будучи Мюнхгаузеном, нельзя вытащить себя из болота за собственные волосы. Еще Л.С. Выготский отмечал, что управ-

лять собой непосредственно нельзя, но можно опосредованно, через внешнюю, культурную точку опоры, в которую упирается орудие. То, что мы обнаруживаем в пространстве возможного, способно выступать в качестве этой внешней точки.

Четвертый тезис говорит о текучести грани и сложном динамическом характере взаимодействия между необходимым, то есть детерминированным, и возможным, то есть самодетерминированным. ***Степень детерминированности, то есть необходимости одних и тех же психологических феноменов, может различаться у разных людей и меняться у одного человека на протяжении жизни.***

По мере личностного развития, как негэнтропийного движения от простого к сложному, законы детерминации и законы регуляции жизнедеятельности не остаются неизменными. В младенческом возрасте поведение действительно может исчерпывающе описываться через взаимодействие личности (точнее, внутренних диспозиций) и ситуации. По мере развития могут складываться также новые механизмы и системы регуляции, хотя у многих людей этого не происходит. В опубликованной нами «мультирегуляторной модели личности» (Леонтьев Д.А., 2007б) описано семь взаимодополняющих механизмов регуляции человеческого поведения. Каждая из семи регуляторных систем представляет собой отдельный элемент (в смысле Л.С. Выготского), который сам по себе не может функционировать. Единицы – это более

сложные целостные принципы организации жизнедеятельности. К предварительным попыткам описать такие целостные структуры можно отнести типологию жизненных миров (Леонтьев Д.А., 2004). Попытка рассмотреть общую организацию жизнедеятельности человека еще более целостно приводит к формулированию такой междисциплинарной области исследований, как *дифференциальная антропология*, в которой рассматриваются различия людей по качественным характеристикам способов организации жизни, восприятия мира, не сводимые к распределению в популяции отдельных признаков. *Вариативность людей проявляется не просто в выраженности тех или иных потребностей и других индивидуальных особенностей, а в качественной разнородности форм саморегуляции, самоорганизации и отношений с миром.* Качественная разнородность людей имеет под собой объективную основу. Однако она определяется не априорным разделением людей по «кастам», а мерой их индивидуального продвижения по пути очеловечивания, их индивидуальной онтогенетической эволюции, являющейся следствием их личного выбора и усилия, даже если учитывать огромный разброс наследственных и средовых предпосылок (Леонтьев Д.А., 2009а).

Вообще расхожие представления о высокой степени детерминированности нашей психологии, личности и жизненного пути, на наш взгляд, сильно преувеличены. Когнитивной основой этого искажения служит то, что про механизмы

детерминированности человеческой жизни, про их обусловленность генетическими, средовыми и ситуационными факторами известно неизмеримо больше, чем про механизмы самодетерминации и выбора, изучение которых только начинается. Мотивационной основой этого искажения служит то, что образ человека, детерминированного наследственностью и средой, не в пример проще и понятнее, чем образ свободного человека, на свой страх и риск прокладывающего свою траекторию движения в неопределенном мире. Именно поэтому люди, не исключая и представителей академического сообщества, в гораздо большей степени готовы сконструировать и принять для себя собственную детерминированность, чем поставить на собственную свободу и автономию. Важно подчеркнуть, что, как следует из сказанного выше, речь идет не столько об общих объективных закономерностях, сколько о том, как каждый индивидуально конструирует и тем самым определяет для себя собственные границы. Латинское слово *termin* означает границу, межевой столб. Детерминация – это, буквально, установление границ, самодетерминация – установление границ самому себе. В США автор видел на бампере автомобиля наклейку следующего содержания: «My God is alive and well. Sorry about yours» («Мой Бог жив и здоров. Сожалею по поводу вашего»). Аналогично, если кто-то говорит, что все в жизни детерминировано, предначертано и сделать ничего нельзя, единственным адекватным ответом будет: «Сочувствую. А у меня иначе».

Пятый тезис: ключевую роль в механизме самодетерминации как произвольного воздействия субъекта на причинно-следственные закономерности, влияющие на его жизнедеятельность, играет сознание. Определяется ли оно бытием или, напротив, определяет бытие – еще одна бинарная оппозиция, требующая более диалектического подхода. Трудно оспаривать, что бытие определяет сознание человека в очень многих отношениях, но это еще не вся правда. Бытие определяет сознание, но на определенном уровне развития сознания при определенных предпосылках может возникать (но не обязательно возникнет) обратное движение, сознание может начать определять бытие (разумеется, не всецело, а в каких-то рамках). *При этом речь идет не просто о сознании, а о рефлексивном сознании, осознающем не только окружающий мир, но и Я субъекта; в нем разделены содержательно наполненный образ Я и Я как внутренний центр, как единственная точка отсчета, откуда может брать начало автономная активность.* Без ощущения Я как внутреннего центра не может быть рефлексивного сознания и наоборот (см. Леонтьев Д.А., 2009б): рефлексивное сознание подразумевает не просто взгляд внутрь себя, а взгляд со стороны на себя в мире, установление дистанции и занятие позиции по отношению к самому себе как фактичному, состоявшемуся. Только человеку, но не всякому и не всегда, удастся взглянуть на себя со стороны и увидеть себя в ситуации, одновремен-

но замечая разные открывающиеся ему возможности. По сути, за разными возможностями, из которых человек выбирает, стоят разные *возможные Я*; личностный выбор – это всегда выбор одного из возможных вариантов себя (*Киркегор*, 1994). Не случайно в последние два десятилетия в западной психологии пользуется большой популярностью понятие «*возможные Я*» (*possible selves*; *Markus, Nurius*, 1986). Можно предположить, что осознание пространства возможного и рефлексия собственной ситуации выбора являются необходимой предпосылкой автономной, самодетерминируемой жизнедеятельности.

Весьма полно и лаконично дилемму жизнедеятельности, управляемой сознанием, и жизнедеятельности, управляемой механической причинностью, описал еще в позапрошлом веке В. Розанов (1892): «Двоякого рода может быть жизнь человека: бессознательная и сознательная. Под первой я разумею жизнь, которая управляется причинами, под вторую – жизнь, которая управляется целью.

Жизнь, управляемую причинами, справедливо назвать бессознательной; это потому, что хотя сознание здесь и участвует в деятельности человека, но лишь как пособие: не оно определяет, куда эта деятельность может быть направлена, и также – какова она должна быть по своим качествам. Причинам, внешним для человека и независимым от него, принадлежит определение всего этого. В границах, уже установленных этими причинами, сознание выполняет свою слу-

жебную роль: указывает способы той или иной деятельности, ее легчайшие пути, возможное и невозможное для выполнения из того, к чему нудят человека причины. Жизнь, управляемую целью, справедливо назвать сознательной, потому что сознание является здесь началом господствующим, определяющим. Ему принадлежит выбор, к чему должна направиться сложная цепь человеческих поступков; и также – устройство их всех по плану, наиболее отвечающему достигнутому...» (Розанов, 1994, с. 21).

Таким образом, влияние бытия на сознание является относительно универсальным и постоянным, а влияние сознания на бытие – вариативным и не всегда вообще проявляющимся. Включение рефлексивного сознания, позволяющее выйти из режима детерминизма и увидеть вариативные возможности, предполагает определенное внутреннее усилие, которое должно постоянно поддерживаться; расслабление приводит к автоматическому «выпадению» из режима рефлексивного сознания. Когда же рефлексивное сознание присутствует, оно может оказывать влияние на бытие, что отражается в соотношении детерминации и самодетерминации в данной конкретной ситуации. При этом, если законы детерминизма не допускают особых вариаций, то есть если детерминация универсальна, то самодетерминация индивидуальна, и мы сталкиваемся в соответствующих ситуациях с очень большой индивидуальной вариативностью. Равнодействующая тех и других законов может быть очень раз-

ной, они вступают между собой в сложное взаимодействие, вследствие которого законы, определяющие поведение разных людей, не совпадают.

Шестой тезис связан со спецификой обработки эмпирических данных. Из сказанного выше вытекает неоднородность ковариационных связей между одними и теми же переменными не только в разных выборках (это уже давно выступает объектом анализа), но и при разных значениях этих переменных, на разных полюсах измерительных шкал. Например, по данным применения методики атрибутивных стилей М. Селигмана, используемой для диагностики оптимизма/пессимизма, и ее русскоязычных модификаций (см. Гордеева, Осин, Шевяхова, 2009), пессимизм значительно теснее связан с другими переменными, чем оптимизм. Для некоторых других переменных, где удастся дифференцировать «высокие» и «низкие» группы по данному показателю, также выявляется общая закономерность: негативные (с точки зрения психологического благополучия и личностного развития) показатели обнаруживают заметно более густую сеть значимых корреляционных связей с другими переменными, чем позитивные. Мы объясняем это тем, что *при более низком уровне личностного развития связи между переменными носят более жесткий, детерминистический характер, а на высоком уровне развития одни переменные выступают по отношению к другим лишь как предпосылки, не предопределяя их однозначно*. Об этом же, по

сути, говорят любопытнейшие данные об асимметрии генетической обусловленности положительных и отрицательных состояний и об изменении меры их генетической обусловленности под влиянием взаимоотношений в семье. Так, А. Теллеген с соавторами (*Tellegen et al.*, 1988) обнаружили в близнецовых исследованиях, что гены объясняют 55 % дисперсии негативной эмоциональности и лишь 40 % позитивной, а семейное окружение – соответственно 2 % и 22 %. Еще более убедительные данные были получены А. Кнафо и Р. Пломином при изучении альтруизма на 9300 близнецовых парах с учетом стиля воспитания в семье (*Knafo, Plomin*, 2006): во всех возрастах негативный стиль (принуждение, отрицательные эмоции) позволяет ярче проявиться генетической предрасположенности (близнецы более схожи между собой и менее альтруистичны), а позитивный (преобладание положительных эмоций, отсутствие принуждения) не только способствует формированию альтруизма, но и приводит к увеличению внутрисемейного разброса, к индивидуализации и снижению доли генетической детерминации этих процессов и, по всей видимости, помогает преодолеть биологическую заданность и усилить влияние факторов среды, выступая предпосылкой индивидуального развития. Вспомним также, что еще К. Левин (2001) усматривал различие между психологическими ситуациями награды и наказания в том, что ситуация, в которой основным побудителем желательного поведения выступает страх наказания, заставляю-

щий делать то, что не хочется, оказывается психологически закрытой, детерминированной, из нее нельзя выйти, не подвергнувшись негативным санкциям. В отличие от нее ситуация позитивного вознаграждения более открыта, оставляет ребенку больше возможностей выбора и не предопределяет его действия так жестко. Таким образом, *если эгоизм и негативная эмоциональность сильнее причинно обусловлены на генетическом уровне, то позитивная эмоциональность и альтруизм существуют больше как возможности, развивающиеся при определенных условиях и предпосылках через преодоление генетически заложенных негативных предпосылок и больше зависящие от ситуации развития. Само личностное развитие протекает в направлении от генетически обусловленных универсальных структур к менее универсальным структурам, изначально существующим в модальности возможного.*

Не случайно по обобщенным данным, полученным в позитивной психологии, около 40 % дисперсии субъективного благополучия определяется индивидуальными выборами и усилиями субъекта, не вытекающими из каких-либо априорных диспозиций (см. *Lyubomirski, 2007*). Можно предположить, что эта доля будет больше у личностей более высокого уровня развития и меньше у менее развитых. Слегка упростив этот тезис, можно констатировать, что в более примитивной личностной структуре всё оказывается максимально однозначным, детерминированным, а при более

сложной структуре система взаимосвязей оказывается более свободной и многозначной; это вновь заставляет вспомнить упоминавшуюся выше идею В.С.Мерлина (1986) о том, что рост структурной сложности системы закономерно приводит к повышению многозначности связей между ее элементами.

Седьмой тезис: эмпирическим индикатором действия в поле возможного, а не необходимого, служит неспровоцированный выход за задаваемые ситуацией рамки. Хорошей иллюстрацией служат известные исследования творчества (Богоявленская, 2002), демонстрирующие, что высший уровень развития творчества проявляется тогда, когда испытуемые выходят за рамки поставленной им задачи и самостоятельно обнаруживают в ситуации новые возможности, которые они выбирают в качестве основания для своей последующей активности. Характерно, что, как отмечает Д.Б. Богоявленская (*там же*), на этом уровне есть основания говорить уже об изменениях личности в целом, а не только творческого потенциала.

Другие данные, подкрепляющие и уточняющие этот тезис, были получены в исследованиях под руководством автора. В диссертационном исследовании Е.Ю. Мандриковой (Мандрикова, 2006; см. также Леонтьев, Мандрикова, 2005) удалось экспериментально выделить различные типы и механизмы личностного выбора: 1) реактивный тип, лишенный осмысления оснований выбора и управляемый случайными причинами, 2) активный выбор неизменности, опира-

ющийся на стремление к сохранению статус-кво и отказ от новых возможностей, 3) активный выбор неизвестности, выражающийся в рискованном предпочтении неясных альтернатив. Последний тип, в отличие от первых двух, опирается на аргументы смыслового плана, основанием выбора служат возможности, а не фактичность. Испытуемые, характеризуемые этим типом выбора, отличались от других групп значительно более высоким уровнем осмысленности жизни, автономии в принятии решений, оптимизма, толерантности к неопределенности, жизнестойкости и стремления к изменениям.

В другой работе (*Леонтьев, Ильченко, 2007*) была апробирована методика диагностики мировоззренческой активности: испытуемые должны были оценить в процентах степень согласия с каждым из двух вариантов ответов на вопросы мировоззренческого характера; по желанию они могли также сформулировать собственный вариант ответа. Те, кто вышел за пределы необходимости и воспользовался возможностью дать свой вариант, отличались значительно более высокой толерантностью к неопределенности, стремлением к изменениям и показателями по отдельным субшкалам теста смысло-жизненных ориентаций. Совсем недавно с помощью этой методики было обнаружено, что студенты, занимающиеся «надситуативной» волонтерской деятельностью по собственному выбору и решению, отличаются значительно более высоким уровнем мировоззренческой инициативы (*Косова, 2010*). И в

том, и в другом случае испытуемые оказывались в ситуации, в которой они могли вести себя по задаваемым извне правилам и шаблонам или же обнаружить в ситуации возможность для недетерминированного действия. Результаты свидетельствуют о том, что *по мере личностного развития и самодетерминации возрастает склонность ориентироваться на осмысленные и вариативные возможности противовес однозначной необходимости.*

Эти и другие феномены иллюстрируют идею неадаптивности как способности действовать за пределами ситуативной необходимости, трансцендировать за границы предустановленного, последовательно разрабатываемую в психологии на протяжении трех десятилетий В.А. Петровским (1996, 1997, 2010). Практически, предлагаемый подход с другой стороны приводит к идеям, весьма созвучным тем, которые В.А. Петровский развивает в своих моделях субъектности.

Восьмой тезис конкретизирует мысль о снижении жесткости причинных связей между переменными на высших уровнях личностного развития через введение понятия «предпосылка». Причины, или детерминанты, явлений оказывают симметричное действие: пусть А является причиной Б, тогда, если имеет место А, то имеет место и Б, а если нет А, то нет и Б. Влияние предпосылки лишено симметрии: если В является предпосылкой Г, то в отсутствие В не может быть Г, однако наличие В не ведет автоматически к Г, оно созда-

ет лишь возможность для него, которая может или осуществиться, или нет. Например, функциональная зрелость и отсутствие серьезной органической патологии головного мозга является в этом смысле предпосылкой, но не причиной сложной интеллектуальной деятельности, которую она никоим образом не гарантирует; вместе с тем, при наличии серьезных нарушений в работе мозга такая деятельность вряд ли возможна. Таким образом, *по мере восхождения к более сложным и совершенным формам и механизмам человеческой жизнедеятельности и психологических процессов их причины начинают все больше замещаться предпосылками, которые, в отличие от причин, порождают не необходимые следствия, а возможности, тогда как их отсутствие – невозможность*. Приведем следующий пример. А. Маслоу в интервью, данном им незадолго до своей смерти, признался: его убеждение в том, что полноценное удовлетворение всех базовых потребностей порождает движение к самоактуализации, не получило подтверждения в экспериментах – некоторые люди в этих условиях движутся в предсказанном направлении, а некоторые нет. Оказалось, что невозможно выстроить такую систему условий, которые порождали бы творчество и самоактуализацию как неизбежное следствие (Frick, 2000, p. 139). В этом примере удовлетворение потребностей выступает не детерминантом самоактуализации, а ее предпосылкой, порождающей ее возможность, но не необходимость.

Неразличение детерминант и предпосылок также может служить причиной ошибочных суждений относительно детерминированного характера некоторых явлений, основывающихся на корреляционных взаимосвязях. Приведем такой пример: с помощью корреляционного анализа несложно установить значимую связь между наличием у зданий в некотором населенном пункте первого этажа и наличием второго. Кросс-секционные, лонгитюдные и другие схемы исследования могут достоверно установить и направление этой связи: именно наличие первого этажа обуславливает наличие второго, но не наоборот. Однако ошибочным был бы вывод о том, что первый этаж детерминирует второй: он является его необходимой предпосылкой, обеспечивая возможность второго этажа, но реализуется ли эта возможность, зависит совсем от других факторов, а не от наличия первого этажа.

Девятый тезис: признание психологической реальности и значимости категории возможного переносит нас из ясного и четко структурированного мира в мир, где господствует неопределенность, и совладание с ее вызовом выступает залогом адаптации и эффективного функционирования. Именно таков мир экзистенциального миропонимания, рисуемый философами и психологами этого направления со времен С. Кьеркегора (см. Леонтьев Д.А., 2003; 2007а). Лишь в последнее время, однако, эти идеи начинают приобретать более широкое признание и оказы-

ваются созвучны не только современной психологии в целом, но даже естественным наукам. Так, по мнению И. Пригожина (1991), сегодняшняя наука несводима ни к материализму, ни к детерминизму, и признание нестабильности и непредсказуемости как сущностной характеристики природы закономерно ведет к изменению ее облика. «Следует лишь распротиться с представлением, будто этот мир – наш безропотный слуга <...> Мы должны признать, что не можем полностью контролировать окружающий нас мир нестабильных феноменов, как не можем полностью контролировать социальные процессы (хотя экстраполяция классической физики на общество долгое время заставляла нас поверить в это)» (*там же*, с. 51). Вывод о том, что параметр «определенность/неопределенность» является основополагающим для сознания и мировоззрения целых культур, следует, в частности, из анализа частотных словарей: определенные артикли являются самыми частотными словами во всех языках, где они имеются (см. *Энштейн*, 2004, с. 237). «Определенный артикль, **the**, и есть искомое философское слово слов, выдвинутое самим языком на первое место среди бесчисленных актов говорения о мире <...> В какие бы предметные сферы ни заходил язык, без артикля как различающего элемента не обойтись в большинстве высказываний» (*там же*, с. 238). Характерно, что в русском языке такой языковой единицы нет, и проблема различения определенного и неопределенного, были и сказки, реальности и

идеала, факта и иллюзии, цели и миража у носителей русского языка достаточно традиционна.

Десятый тезис утверждает, что сопряжение определенности и неопределенности как двух аспектов бытия и сознания вряд ли возможно в поле детерминированности. Однако *введение категории возможного позволяет описать цикл экзистенциального взаимодействия субъекта с миром, в котором находит место как ориентация на определенность, так и ориентация на неопределенность* (Леонтьев Д.А., 2006в). Прототипической моделью такого цикла выступает «модель Рубикона», разработанная Х. Хекхаузенем (2003) в соавторстве с Ю. Кулем и П. Голвитцером. Эта модель описывает динамику целенаправленного действия как переход от «мотивационного состояния сознания», максимально открытого по отношению к получению новой информации и взвешиванию имеющихся возможностей, к «волевому состоянию сознания», когда решение уже принято, действие обретает конкретную направленность и сознание «закрывается» от всего, что может эту направленность поколебать. Переход от первого ко второму происходит резко, в акте принятия субъектом внутреннего решения (переход Рубикона). Б.М. Величковский (2003; 2006) экспериментально обнаружил и описал два качественно разных типа переработки информации – амбиентный и фокальный; первый характеризуется равнозначной открытостью к любой новой информации, а второй, напротив, – селекцией и фильтраци-

ей информации, подчиненной текущей задаче. Как показано в исследованиях и Х. Хекхаузена с соавторами, и Б.М. Величковского, оба типа качественно разнородных процессов представляют собой естественно сменяющие друг друга равно необходимые фазы единого цикла действия или познавательной переработки.

Это позволяет по-новому посмотреть на соотношение открытости (толерантной восприимчивости) и закрытости (эгоцентрического воздействия) в отношениях человека с миром, увидев в них *две сменяющие друг друга фазы единого цикла экзистенциального взаимодействия субъекта с миром. Главным содержанием фазы открытости является расширение спектра возможностей действия, которые может обнаружить для себя субъект, максимизация потенциальных смыслов, которые может нести в себе ситуация, и самоопределение по отношению к ним, раскрытие потенциала свободы. Главным содержанием фазы закрытости является сужение спектра возможностей, совладание с их избыточностью через осуществление выбора и переход к реализации, преодоление неопределенности, раскрытие потенциала ответственности.* Разрыв этого цикла и абсолютизация одной из двух фаз приводит к неполноценному, одностороннему взгляду на человеческое существование: абсолютное познание и понимание, оторванное от выбора и реализации, так же неполноценно, как абсолютная целенаправленность и ре-

ализация, оторванная от понимания и осмысления возможностей. Редукция фазы открытости приводит к ригидности и упрощенности жизненного мира, снижению регуляторной роли сознания. Редукция фазы закрытости приводит к тирании «всевозможности» (Лобок, 1997), к бесконечной и безответственной игре смыслами, изъятыми из контекста собственного бытия в мире. Речь идет, фактически, о двух типах нарушения саморегуляции, к которым можно, вслед за А. Маслоу (1999), применить понятие «метапатология» (подробнее см. Леонтьев Д.А., 2006в, а также настоящее издание, с. 119–123).

Одиннадцатый тезис раскрывает механизм воплощения возможности в действительность, в реальное действие, имеющее для субъекта последствия. Именно здесь гуманитарная психология, изучающая неисчислимые миры смыслов, вееры возможностей, открывающихся нам через рефлексивное сознание, смыкается с экзистенциальной психологией, в центре которой находится самодетерминируемое решение и действие.

Как можно представить себе этот процесс? Первым и необходимым этапом является, безусловно, усмотрение, раскрытие соответствующей возможности, которое, однако, необходимо, но не достаточно. *Возможности никогда не воплощаются в действительность сами, это происходит только через деятельность субъекта, который воспринимает их как возможности для себя, что-то из*

них выбирает и делает свою «ставку», вкладывая себя и свои ресурсы в реализацию выбранной возможности. Субъект принимает на себя ответственность за реализацию данной возможности, беря на себя внутреннее обязательство перед самим собой вкладывать усилия для ее реализации. Это процесс воплощения возможности в действие, в ходе которого происходит трансформация: возможное – ценное (осмысленное) – должное – цель – действие.

Спектр возможных для субъекта в данный момент вариантов действия может быть очень широк. Среди них есть и бессмысленные, внеконтекстные, и саморазрушительные возможности (например, возможность суицида). Однако житейское, обыденное понятие возможности подразумевает обычно только осмысленную возможность. В. Франкл (1990) определял смысл как возможность на фоне действительности. Если некоторые из возможностей представляются субъекту ценными, хорошими, привлекательными или иным образом осмысленными, они обретают, наряду с осуществимостью, атрибут осмысленности. Первый переход в процессе воплощения возможности в действие связан поэтому с сужением спектра принимаемых во внимание возможностей, исключение из их числа тех, которые субъект не воспринимает как привлекательные, осмысленные, ценные альтернативы.

Следующий шаг рассматриваемого процесса трансформации связан с определением субъекта по отношению к ряду

осмысленных возможностей, которые не могут быть все реализованы и требуют установления приоритетов. Субъект занимает особую внутреннюю позицию по отношению к тому, что он принимает как должное, беря на себя ответственность за его реализацию. Эта ответственность предполагает готовность к действию, внутреннее согласие затратить ресурсы и усилия и заплатить некоторую цену, например, отказавшись от других привлекательных возможностей. Возможность, по отношению к которой субъект определился подобным образом, становится для него должным. Как убедительно показал М.Н. Эпштейн (2001), должное является разновидностью возможного, а не формой необходимости. Любое долженствование предполагает возможность соблюдения нормы и возможность ее нарушения; выбор зависит от нашего ответственного решения, пусть даже соблюдение нормы поощряется, а нарушение наказывается. Поэтому в форме морали в регуляцию поведения вовлекается личная ответственность и выбор самих субъектов (см. подробнее *Леонтьев Д.А., 2008б*).

Однако и обретение возможностью статуса должного не является конечным звеном рассматриваемого перехода. Существует некоторый неустранимый зазор между формированием цели и принятием решения «в принципе» реализовывать данную осмысленную возможность и началом действия по ее фактической реализации. Его преодоление требует внутреннего шага, который описывался в психологии

через известные метафоры «fiat» (да будет!) (*Джемс, 2003*) и «перехода Рубикона» (*Хекхаузен, 2003*). Важно, что момент фактического начала действия ничем не детерминирован – его можно откладывать, а можно приближать, но это всегда определяется самим субъектом. Сделка считается заключенной не тогда, когда договаривающиеся стороны согласовали все условия, а когда они ударили по рукам – совершили символический акт, который знаменует необратимый переход в иное состояние. Это точка принятия ответственности, вложения себя в поступок. «Не содержание обязательства меня обязывает, а моя подпись под ним» (*Бахтин, 2003б, с. 37*). Сам выбор этой точки не может получить причинного объяснения ни в одной теории. Она знаменует собой переход от просто ценного к тому, что становится для меня должным и начинает определять мои действия независимо от того, как давно была содержательно сформулирована цель или договоренность. Этот шаг завершает цепь перехода: возможное – осмысленное – должное – цель – действие. Экзистенциальная психология занимает ключевое положение на стыке гуманитарного и естественнонаучного аспектов человека, потому что она изучает сам переход от возможного через должное к императивному; далее реализация уже принятого решения может подчиняться каузальным закономерностям, описываемым традиционной психологией.

Во всех звеньях упомянутого перехода решающую роль играет рефлексивное сознание субъекта. Если оно неразвито

или просто дремлет, субъект не в состоянии проделать работу по открытию и селекции возможностей и переходу к осмысленному целеполаганию. Эту работу может манипулятивно проделать за него другой, предлагая уже готовую цель в качестве заведомо ценного и должного; субъекту остается только «взять под козырек». Именно этот механизм искусственного «спрямления» пути от многообразия возможностей к единственной принимаемой здесь и теперь цели активно используется в рекламе, политической и религиозной пропаганде, межличностных манипуляциях. Биологический императив минимизации энергозатрат объясняет ту поразительную готовность, с которой многие люди склонны принимать заданные извне цели, не рассматривая возможных альтернатив.

От действия к поступку

Сформулированные выше контуры психологии возможного, которые обобщают основные позиции антропологической модели, сложившейся в последние годы и отраженной в ряде публикаций (*Леонтьев Д. А.*, 2002; 2006а; 2008б; 2009а, б), обозначают новые задачи и позволяют увидеть новые вызовы как для исследователей, так и для практиков.

Ключевой проблемой видится сам переход из режима детерминированности в режим самодетерминации при подключении рефлексивного сознания. По-видимому, именно

при включении рефлексивного сознания становится возможным отклонение от предсказуемой детерминистической логики действий. Довольно давно Е.В. Субботский (1977) предложил методический прием, позволяющий зафиксировать наличие у ребенка определенных смысловых образований и их влияние на поведение: признаком этого служит отклонение его поведения от пути, предполагаемого «интеллектуалистической презумпцией объяснения», от самоочевидной рациональности. По аналогии с этим мы можем усмотреть и феномены отклонения поведения от пути, предполагаемого «смысловой презумпцией объяснения», или «логикой жизненной необходимости» (Леонтьев Д.А., 2007б); в этих случаях мы имеем основания предполагать переход из режима детерминированности в режим самодетерминации.

Сами механизмы перехода могут быть сформулированы на языке определенных психотехнических действий, или «экзистенциальных психотехник». Первые две из них автор помнит в форме наставлений, которые регулярно повторяла ему в детстве в соответствующих ситуациях его бабушка и которые интериоризировались в структуре его личности в виде действенных принципов саморегуляции.

«Экзистенциальная психотехника № 1»: «Остановись и сосчитай до десяти». Это позволяет создать основу самодетерминации – паузу между стимулом и реакцией, в которой Р. Мэй (May, 1981) видел место локализации человеческой

свободы. Пауза, воздержание означает больше, чем отсрочка во времени, это разрыв некоторого автоматически действующего в собственном ритме механизма, «автопилота» нашего поведения. «Свобода воли и активность не совместимы с ритмом... Ритмом я могу быть только одержим, в ритме я, как в наркозе, не сознаю себя» (Бахтин, 2003а, с. 191). Произвольная пауза выводит этот механизм из строя. Используя эту психотехнику, человек выходит из режима «естественного» реагирования на стимул и может начать строить свое поведение по-новому, исходя из своего экзистенциального Я как точки отсчета – при условии наличия у него ощущения этого внутреннего центра. «Хочешь сказать мелочь – считай до десяти, что-то серьезное – до ста. Хочешь совершить поступок – до тысячи» (Жванецкий, 2006, с. 75). М.К. Мамардашвили (1996) в своем «Введении в философию» объяснял, что Гамлет колеблется как раз потому, что он пытается выйти из жестко предписанной последовательности событий. С самого начала «понятно», что в этой ситуации предполагается делать, как реагировать. Но он пытается этого не делать, выйти из режима реагирования на стимулы, из цепи событий, из колеса судьбы. На протяжении всей пьесы, осознавая неумолимость этого колеса, где все предрешено, Гамлет пытается не исполнить роль, которая ему предписана. Итогом является неудача, зато героическая.

«Экзистенциальная психотехника № 2»: «Посмотри на себя со стороны». Как только мы включаем рефлексив-

ное сознание, начинаем вдумчиво осознать все варианты, все альтернативы, то обнаруживается парадоксальная вещь: в любой ситуации нет такого выбора, который мы не могли бы сделать. Мы можем сделать любой, даже на первый взгляд самый неоптимальный выбор, все альтернативы нам доступны. В этом и выражается режим самодетерминации: на этом уровне не действуют отговорки «а что я мог?», «у меня не было другого выхода», и слова «я не мог поступить иначе» означают лишь то, что цена, которую пришлось бы заплатить, поступив иначе, неприемлема для субъекта, и он отверг эту альтернативу.

Третья экзистенциальная психотехника связана с расщеплением чувства собственного Я на Я-образ и Я-центр, осознанием несовпадения того, какой именно я, как я отвечаю на вопрос «кто я?», и той внутренней точки опоры, которая позволяет противостоять любым внешним стимулам, соблазнам и давлениям. По сути речь идет о различии в себе личности и индивидуальности, об ощущении себя личностью, критерием которой является саморегуляция, управление собой, своими действиями, и способность в какой-то степени влиять на происходящее с нею и вокруг нее. Личность может преодолевать любую фактичность, заданность того, «какой я» – я такой, каким я выбираю быть и каким я себя делаю. Личность как безграничная возможность строится на преодолении индивидуальности как фактичности.

Четвертая экзистенциальная психотехника связана с вы-

явлением альтернативности любых выборов, возможности в любой ситуации найти неочевидные альтернативы, выбор между которыми определяется только нашими решениями. «Об Отто Уилле, легендарном терапевте, сообщается, что он периодически прерывал бесконечные размышления сильно скованного пациента с навязчивостями, высказывая предложения типа: “Послушайте, почему бы вам не сменить имя и не переехать в Калифорнию?”» (*Ялом*, 1999, с. 243). То же относится и к уже осуществленным действиям, которые мы выбрали, даже не заметив этого. «Ведь выбор – это не то, что мы должны сделать, стать кем-то еще (как часто понимают выбор). Выбор заключается в том, что мы реально делаем, уже делаем; все кажется, что еще выбираем, что мы еще на пороге выбора, а по факту уже выбрали и живем...» (*Калитеевская*, 2006, с. 146).

Пятая экзистенциальная психотехника – экзистенциальный расчет как осознание цены, которую приходится платить за каждый из возможных выборов (см. *Иванченко*, 2001; *Леонтьев Д.А.*, в печати). Особенность цены заключается в том, что согласие или несогласие на нее – всегда решение самого субъекта, которое не связано напрямую с величиной этой цены. Именно поэтому сколько-нибудь личностно значимый выбор не может быть сведен к рациональным калькуляциям. Сами по себе такие калькуляции полезны тем, что позволяют более полно отразить саму структуру ситуации выбора, хотя решение из них вывести не полу-

чается.

Шестая экзистенциальная психотехника – принятие ответственности и вкладывание себя в избранную альтернативу. Под этим углом зрения то, как именно человек принимает решение, в какой степени принимает на себя ответственность за свой выбор и вытекающие из него действия, оказывается важнее, чем то, что именно он выбрал. Именно через механизм принятия личной ответственности в поле детерминации человеческих действий входят этические нормы и заповеди (подробнее см. *Леонтьев Д.А., 2008б*).

Реализация этих шести психотехнических действий, которая, став привычной для зрелой личности, может протекать за доли секунды, позволяет перейти в режим самодетерминации. Именно к действию в режиме самодетерминации применимо понятие поступка, которое в последние десятилетия все больше привлекает внимание психологов-теоретиков (*Петухов, Столин, 1989; Асмолов, 1990; Зинченко, 1997; Соколова, 1999*). Ранее, в 1940-е гг., понятие поступка пытались вписать в свои концептуальные системы А.Н. Леонтьев (2004) и С.Л. Рубинштейн (2001). Во взглядах всех перечисленных авторов есть нечто общее: они придают большое значение понятию поступка и ценностно нагружают его; они определяют поступок через соотнесение с действием как его более «высокую» разновидность и/или через соотнесение с личностью как ее сущностное проявление; ни у одного из них понятие поступка, при всей его значимости, не оказало

заметного влияния на дальнейшие исследования. Последнее относится к психологии в целом, не обнаруживающей готовности ассимилировать это понятие. Мы имеем в виду здесь и далее только русскоязычный контекст; на основные европейские языки это понятие непереводимо, хотя можно подобрать более или менее приблизительные его аналоги. Действительно, понятие поступка бросает вызов традиционному психологическому дискурсу. В традиционной психологии не находилось места понятию поступка из-за ее неспособности принять образ не управляемого механизмами существа, а сознательного субъекта, находящего в мире основания для своих ответственно выбираемых действий.

Признаки, через которые психологи вводят и описывают понятие поступка, разнятся, хотя и образуют довольно гармоничное сочетание. А.Н. Леонтьев определяет поступок как действие над порогом ситуативной необходимости, «действие, судьба которого определяется не из наличной ситуации» (2004, с. 202). Е.Е. Соколова (1999) подчеркивает обязательную полимотивированность поступка, вследствие которой его совершение выступает разрешением мотивационного конфликта. С.Л. Рубинштейн видит главное отличие поступка в осознанном характере проявляемого в нем отношения (2001, с. 23, 444–445). Для В.В. Петухова и В.В. Столина (*Петухов, Столин*, 1989, с. 29) квалифицирующим признаком выступает неопределенность ситуации и рискованность поступка, неясность его следствий. Наконец,

В.П. Зинченко соотносит поступок с целостной, «собранной» личностью (1997, с. 184–186). Все эти характеристики складываются в понимание поступка как действия, не обусловленного данными в ситуации побудительными силами и причинами, а напротив, трансцендирующего влияние ситуации благодаря активной роли «участного сознания» (*Бахтин*, 2003б); В.П. Зинченко отмечает, что поступки могут прерывать деятельность (1997, с. 216). Вместе с тем они не случайны, напротив, поступок служит особым моментом проявления личности (*Войтыла*, 2003, с. 73).

Вся совокупность указанных признаков хорошо согласуется с философским пониманием специфической причинности, лежащей в основе того, что мы называем поступком. М.М. Бахтин пишет: «Только признание моей единственной причастности с моего единственного места дает действительный центр исхождения поступка и делает не случайным начало, здесь существенно нужна инициатива поступка, моя активность становится существенной, должствующей активностью» (2003б, с. 41). С этим перекликается и философский анализ К. Войтылы: «Личность (или любое конкретное человеческое “я”) может считать поступок результатом своей причинности, и в этом смысле – своим свойством, а также... полем своей ответственности» (2003, с. 138). Поступку К. Войтыла противопоставляет понятие «uczynienie», неудачно переведенное в цитируемом издании как «активация»; под «учинением» понимается дей-

ствие, происходящее само по себе, без сознательной причинности. Оба автора при этом теснейшим образом связывают понятие поступка с понятием ответственности как осознанной *личностной причинности*.

Таким образом, поступок предстает как действие, не вписывающееся в традиционные схемы психологической причинности, но требующее признания иного рода причинности, опирающейся на ответственность, смысл и возможности. «Все содержательно-смысловое... – все это только возможности, которые могут стать действительностью только в поступке на основе признания единственной причастности моей» (*Бахтин, 2003б, с. 41*). При этом этимологически слово «поступок» связано со словом «ступать», основано на метафоре движения, точнее, продвижения по некоторому пути. Поступок всегда в определенном смысле продвигает субъекта как личность, в отличие от действия, которое в лучшем случае приближает к цели. То же относится к польскому «postępowanie» («делание»). «Делание всегда подразумевает следование определенному пути. Это следование пути, как и связанному с ним направлению, является не чем-то пассивным, результирующей того, что “делается” в человеке или с человеком, а чем-то в полной мере активным» (*Войтыла, 2003, с. 356–357*). *Поступок можно, таким образом, определить как осознанное ответственное действие, которое основано на личностной причинности и продвигает личность в измерении личностного пути* (подробнее

см. Леонтьев Д.А., 2006б).

Частным случаем поступка выступает такой самодетерминированный феномен, как подвиг, совершая который, субъект преодолевает ситуационную обусловленность поведения. Ведь все давления, которым мы склонны поддаваться, локализованы в данной конкретной ситуации, и именно за ее пределами, в перспективе возможного, можно найти опору, позволяющую этим давлениям противостоять. Не случайно А.Н. Леонтьев писал: «...психологический механизм жизни-подвига нужно искать в человеческом воображении» (Леонтьев А.Н., 2004, с. 159). Действительно, только в воображении можно выйти за пределы императивной ситуации смертельной опасности и рефлексивно раскрыть более широкие контексты. Подвиг – это поступок парадоксальный, неоправданный с точки зрения низших биологических регуляторов, но уникальный и предельно осмысленный с точки зрения высших человеческих ценностей, интересов и внеситуативных регуляторов.

Заключение

В данной статье была сделана попытка обобщить новое понимание ключевых ориентиров психологии личности, к которым автор двигался на протяжении последнего десятилетия. Отрефлексировав то, что выступало в основной линии психологии личности на протяжении XX в. и продол-

жает выступать как «само собой разумеющееся», мы усмотрели в этом принципиальные ограничения для ее дальнейшего развития. С другой стороны, за последние полвека в психологию проникло несколько принципиально новых идей и способов понимания, которые породили на рубеже веков немало подходов и концепций, принципиально отличных от господствующих, хотя их влияние на развитие научных исследований и преподавание психологии в мировом масштабе продолжает оставаться весьма ограниченным. На основе этих новых идей мы попытались выстроить контуры нового понимания личности, которое было бы адекватным запросам и задачам сегодняшнего дня и которое позволило бы вывести психологию личности на новый уровень осознания ее предмета, сферы компетентности, методологических и теоретических ориентиров, методических и прикладных возможностей.

Ключевым для нового понимания личности выступает расширение понятий о психологическом детерминизме. Введение категории возможного как одной из ключевых категорий персонологии позволяет увидеть взаимосвязь естественнонаучной и гуманитарной парадигм в человекознании, по-новому увидеть соотношение традиционной и экзистенциальной психологии, адаптивности и самореализации, бессознательного и сознательного функционирования, детерминированности и самодетерминации, свободы и судьбы, иначе поставить проблемы ответственности, выбора, ре-

флексивного сознания и саморегуляции. Речь идет, по сути, о попытке понять тот уровень активности человека, который обращен на себя самого и на преобразование того, что дано ему и как внешнее, и как внутреннее, раскрыть тезис «человек не только развивается, *но и строит себя*» (Выготский, 1986, с. 58). Этот подход не противопоставляет себя другим подходам в психологии личности, но скорее определяет их место и границы в общем понимании личности и раздвигает рамки этого понимания, выявляя актуальные «белые пятна», заслуживающие первостепенного внимания тех, кто работает в этой области. Эвристичность формулируемых здесь идей уже проявила и продолжает проявлять себя в многообразных исследованиях, проводимых под руководством автора. Остается надеяться, что и другие исследователи найдут в предлагаемых ориентирах то, что может принести им пользу при решении задач, стоящих перед психологами в новом столетии.

Литература

Асмолов А.Г. Психология личности. М.: Изд-во Моск. унта, 1990.

Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Собр. соч.: В 7 т. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003а. Т. 1. С. 69–264.

Бахтин М.М. К философии поступка // Собр. соч.: В 7 т.

М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003б. Т. 1. С. 7–68.

Богоявленская Д.Б. Психология творческих способностей. М.: ИЦ Академия, 2002.

Величковский Б.М. Успехи когнитивных наук: технологии, внимательные к вниманию человека // В мире науки. 2003. № 12. С. 87–93.

Величковский Б.М. Когнитивная наука: основы психологии познания: В 2 т. М.: Смысл; ИЦ Академия, 2006.

Войтыла К. Личность и поступок // Иоанн Павел II. Сочинения: В 2 т. М.: Изд-во Францисканцев, 2003. Т. 1. С. 61–449.

Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 3. С. 6–328.

Выготский Л.С. Конкретная психология человека // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1986. № 1. С. 52–65.

Гордеева Т.О., Осин Е.Н., Шевяхова В.Ю. Диагностика оптимизма как атрибутивного стиля (опросник СТОУН). М.: Смысл, 2009.

Джеймс У. Воля к вере. М.: Республика, 1997.

Джемс У. Научные основы психологии. Мн.: Харвест, 2003.

Жванецкий М. Одесские дачи. М.: Время, 2006.

Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамарда-

швили. М.: Новая школа, 1997.

Иванченко Г.В. К определению понятия «экзистенциальный расчет» // 1 Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.С. Мазур, А.И. Со сланда. М.: Смысл, 2001. С. 54–57.

Калитеевская Е. Формирование личности гештальт-терапевта // Гештальт гештальтов: Евро-азиатский вестник гештальттерапии. 2006. № 1. С. 144–151.

Киркегор С. Наслаждение и долг. К.: AirLand, 1994.

Косова У.П. Особенности мировоззренческой активности волонтеров // Высшее образование сегодня. 2010. № 4. С. 36–39.

Лазарев Ф.В., Литтл Б.А. Многомерный человек: введение в интервальную антропологию. Симферополь: СОНАТ, 2001.

Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл; ИЦ Академия, 2004.

Леонтьев Д.А. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности // Психол. журн. 2000. Т. 21. № 1. С.15–25.

Леонтьев Д.А. О предмете экзистенциальной психологии // 1 Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений /

Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.С. Мазур, А.И. Сосланда. М.: Смысл, 2001. С. 3–6.

Леонтьев Д.А. Симбиоз и адаптация или автономия и трансценденция: выбор личности в непредсказуемом мире // Личность в современном мире: от стратегии выживания к стратегии жизнотворчества / Под ред. Е.И. Яцуты. Кемерово: ИПК Графика, 2002. С. 3–34.

Леонтьев Д.А. Экзистенциальная тревога и как с ней не бороться // Моск. психотерапевт. журн. 2003. № 2. С. 107–119.

Леонтьев Д.А. К типологии жизненных миров // 2 Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. С. 114–116.

Леонтьев Д.А. Дискурс свободы и ответственности (доклад с обсуждением) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2006а. № 5. С. 95–113.

Леонтьев Д.А. К психологии поступка // Экзистенциальная традиция в философии, психологии, психотерапии. 2006б. № 2(9). С. 153–158.

Леонтьев Д.А. Личностный потенциал как потенциал саморегуляции // Учен. зап. кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. 2 / Под ред. Б.С. Братуся, Е.Е. Соколовой. М.: Смысл, 2006в. С. 85–105.

Леонтьев Д.А. Личность как преодоление индивидуальности: основы неклассической психологии личности // Пси-

хологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / Под ред. А.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2006 г. С. 134–147.

Леонтьев Д.А. Восхождение к экзистенциальному миропониманию // 3 Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2007а. С. 3–12.

Леонтьев Д.А. Психология смысла. 3-е изд. М.: Смысл, 2007б.

Леонтьев Д.А. Неклассический подход в науках о человеке и трансформация психологического знания // Психология, лингвистика и междисциплинарные связи: Сб. научных работ к 70-летию со дня рождения Алексея Алексеевича Леонтьева / Под ред. Т.В. Ахутиной, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2008а. С. 205–225.

Леонтьев Д.А. Причинность и объяснение в психологии личности: от необходимого к возможному // Эпистемология и философия науки. 2008б. Т. 17. № 3. С. 127–142.

Леонтьев Д.А. Человечность как проблема // Человек – наука – гуманизм / Под ред. А.А. Гусейнова. М.: Наука, 2009а. С. 69–84.

Леонтьев Д.А. Рефлексия как предпосылка самодетерминации // Всероссийская конференция, посвященная 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна. М., 2009б.

Леонтьев Д.А. Перспективы неклассической психодиагностики [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010а. № 4(12). URL: <http://>

Леонтьев Д.А. Культурное потребление в антропологическом и психологическом контексте // *Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований* / Под ред. И.М. Быховской. М.: Смысл, 2010б. С. 217–241.

Леонтьев Д.А. Психология выбора: расширяя рамки рациональности // *Психол. журн.*

(в печати).

Леонтьев Д.А., Ильченко А.Н. Уровни мировоззренческой активности и их диагностика // *Психол. диагностика.* 2007. № 3. С. 3–21.

Леонтьев Д.А., Мандрикова Е.Ю. Моделирование «экзистенциальной дилеммы»: эмпирическое исследование личностного выбора // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология.* 2005. № 4. С. 37–42.

Леонтьев Д.А., Мандрикова Е.Ю., Фам А.Х. Разработка методики диагностики процессуальной стороны выбора // *Психол. диагностика.* 2007. № 6. С. 4–25.

Лобок А.М. Антропология мифа. Екатеринбург: Отд. образов. администр. Октябрьского р-на, 1997.

Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990.

Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М.: Ad Marginem, 1995.

Мамардашвили М.К. Необходимость себя. М.: Лабиринт, 1996.

Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. М.: РХГИ, 1997.

Мандрикова Е.Ю. Виды личностного выбора и их индивидуально-психологические предпосылки: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.

Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999.

Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.

Мэй Р. Искусство психологического консультирования. М.: НФ Класс, 1994.

Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. М.: Смысл, 2004.

Петровский В.А. Личность в психологии. Ростов н/Д: Феникс, 1996.

Петровский В.А. Очерк теории свободной причинности // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М.: Смысл, 1997. С. 124–144.

Петровский В.А. Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010.

Петухов В.В., Столин В.В. Психология: Методические указания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989.

Пригожин И. Философия нестабильности // Вопр. философии. 1991. № 6. С. 46–52.

Розанов В. Цель человеческой жизни // Смысл жизни: Ан-

тология / Сост., общ. ред., предисл. и примеч. Н.К. Гаврюшина. М.: ИГ Прогресс-Культура, 1994. С. 19–64.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2001.

Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 319–344.

Соколова Е.Е. Идеи А.Н. Леонтьева и его школы о поступке как единице анализа личности в их значении для исторической психологии // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н.Леонтьева / Под ред. А.Е. Войскунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. М.: Смысл, 1999. С. 80–117.

Субботский Е.В. Изучение у ребенка смысловых образований // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1977. № 1. С. 62–72.

Улановский А.М. Качественные исследования: подходы, стратегии, методы // Психол. журн. 2009. Т. 30, № 2. С. 18–28.

Файзуллаев А.А. Принятие мотива личностью // Психол. журн. 1985. Т. 6. № 4. С. 87–96.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: В 2 т. М.: Педагогика, 1986. Т. 1.

Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. 2-е изд., перераб. М.: Смысл; СПб.: Питер, 2003.

Эпштейн М.Н. Философия возможного. СПб.: Алетейя,

2001.

Эпштейн М.Н. Знак_пробела: о будущем гуманитарных наук. М.: НЛО, 2004.

Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: НФ Класс, 1999.

Немировський В.Г. Соціологічні аспекти дослідження смислу життя особи // Філосо. думка. 1987. № 6. С. 66–75.

Csikszentmihalyi M. Introduction // M. Csikszentmihalyi, I.S. Csikszentmihalyi (Eds.) *A Life Worth Living: Contributions to Positive Psychology*. N.Y.: Oxford University Press, 2006. P. 3–14.

Dabrowski K. *Positive Disintegration*. Boston: Little, Brown and Co, 1964.

Deci E.L., Ryan R.M. Overview of self-determination theory: an organismic dialectical perspective // *Handbook of self-determination research* / E.L. Deci, R.M. Ryan (Eds.). Rochester, NY: The University of Rochester Press, 2002. P. 3–33.

Frick W. Remembering Maslow: Reflections on a 1968 interview // *Journal of Humanistic Psychology*. 2000. Vol. 40, № 2. P. 128–147.

Kashdan T.B. New developments in emotion regulation with an emphasis on the positive spectrum of human functioning // *Journal of Happiness Studies*. 2007. Vol. 8. P. 303–310.

Knafo A., Plomin R. Parental Discipline and Affection and Children's Prosocial Behavior: Genetic and Environmental Links // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. 90. P. 147–164.

Lyubomirski S. *The How of Happiness*. London: Sphere, 2007.

Markus H., Nurius P. Possible selves // *American Psychologist*. 1986. Vol. 41. P. 954–969.

May R. *Freedom and destiny*. N.Y.: Norton, 1981.

Seligman, M.E.P. *What You Can Change and What You Can't*. New York: Knopf, 1994.

Tellegen A., Lykken D., Bouchard T., Wilcox K., Segal N., Rich S. Personality similarity in twins reared apart and together // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1988. 54. P. 1031–1039.

Vaillant G. *Aging Well*. Boston: Little, Brown and Company, 2002.

Идея потенциала в науках о человеке: от «человеческого потенциала» к личностному

Г.В. Иванченко, Д.А. Леонтьев, А.В. Плотникова

В предыдущей главе были заданы методологические основания включения категории возможного в ряд центральных категорий психологии. Данная глава посвящена более подробной характеристике роли и места сферы возможного в человеческой жизнедеятельности, без которой нельзя обосновать и ключевое для данной монографии понятие потенциала в контексте психологии личности. Ее задачей является историко-методологический анализ введения в психологию понятия потенциала в различных его вариациях (человеческий потенциал, психологический потенциал, личностный потенциал, частные потенциалы), а также содержательно близкого ему понятия психологического капитала.

Возможное как объект осмысления в психологии

Наша жизнь, утверждал Хосе Ортега-и-Гассет, состоит

прежде всего в сознании наших возможностей. «Жить – это значит пребывать в кругу определенных возможностей, которые зовутся “обстоятельствами”. Жизнь в том и заключается, что мы – внутри “обстоятельств”, или “мира”. Иначе говоря, это и есть “наш мир” в подлинном значении этого слова. “Мир” не что-то чуждое нам, вне нас лежащее; он неотделим от нас самих, он – наша собственная периферия, он – совокупность наших житейских возможностей... Мир, то есть наша возможная жизнь, всегда больше, чем наша судьба, то есть жизнь действительная» (*Ортега-и-Гассет*, 1991, с. 131).

Возможное существует в мире наряду с фактическим, и существенно расширяет этот мир. «Главная черта пространства возможностей состоит в том, что оно содержит больше, чем существует в реальном физическом мире, потому что последний представляет собой ограниченное подмножество в этом пространстве» (*Эшби*, 1966, с. 317). Вместе с тем мир возможного обладает тенденцией к расширению своего присутствия в мире человека; это происходит почти на наших глазах. М.Н. Эпштейн убедительно демонстрирует масштабы стремительного расширения сферы возможного, считая также, что можно говорить не просто о потенциальности как таковой, но о «потенциации самой реальности, ее постепенном историческом переходе в другую модальность» (*Эпштейн*, 2001, с. 230). Под потенциацией М.Н. Эпштейн предлагает понимать «возрастание степеней воз-

возможного в самой реальности, процесс превращения фактов в вероятности, теорий – в гипотезы, утверждений – в предположения, необходимостей – в альтернативные возможности» (*там же*, с. 231). Впечатляющим примером потенциации, или «овозможения», реальности является повседневное существование большинства людей в современной западной цивилизации. В страховке, например, «я плачу заранее за свои возможные несчастья: болезнь, аварию, безработицу, скоропостижную смерть или увечье. В кредите мне оплачивают возможные формы благополучия: дом, машину, телевизор... Но и положительные и отрицательные стороны жизни оказываются сплошь условными с точки зрения экономики, которая основана на статистике, подсчете вероятностей, а не на однократности случившихся фактов. В современном обществе реальность так же исчезает, как в физике», – резюмирует М.Н. Эпштейн (*там же*, с. 235).

В отличие от фактического, возможное направлено в будущее и определяется через него. Оно представляет собой росток будущего в настоящем. К. Левин в своей классической статье «Определение “поля в данный момент времени”» (*Левин*, 2000, с. 239–250) показал, что будущее (как, впрочем, и прошлое) обладает для нас психологической реальностью постольку, поскольку оно в той или иной форме психологически присутствует в настоящем, в «поле в данный момент времени». Можно говорить о целом ряде психологических форм такого присутствия будущего в настоящем, в числе ко-

торых страх, тревога, цель и т. п.; возможность является одной из них. Действительно, возможность указывает на то, что в данный момент еще не получило реализации, но может получить ее в будущем, хотя и не гарантированно, – этого может никогда не произойти. С другой стороны, не может получить реализацию в будущем то, что в данный момент невозможно, если эта невозможность не сменится в какой-то момент возможностью. «Чтобы был возможен дождь, необходимо, чтобы на небе были тучи... Конечно, возможное состояние еще не есть существующее; но именно возможное состояние некоторого существования поддерживает своим бытием возможность и небытие своего будущего состояния» (*Сартр*, 2000, с. 130).

Рост достигнутого влечет за собой умножение неосуществившихся вариантов развития и расширение сферы невозможного (подробнее см. *Иванченко*, 1998). В широком смысле любой процесс развития состоит не только из роста и совершенствования, но и из потерь и упадка; такой взгляд утвердился, в частности, во всевозрастном подходе в психологии развития (*Балтес*, 1994). Эти неосуществленные и неосуществимые возможности психологически закономерным образом вызывают защитную реакцию людей и общностей.

Трактовка самосознания как бесконечного стремления восходит к Платону, проходит через всю платоническую традицию христианской философии к утверждению Фихте о

том, что сущность человеческого *Я* есть бесконечное стремление. В своих желаниях и действиях *Я* всегда встречает границу, препятствие: без такого ограничения, такого чувства конечности не было бы стремления. Но вместе с тем «стремление есть отрицание ограничений, выход за пределы каждой вновь полагаемой границы: и без такого чувства от всякой данной конечности тоже не было бы стремления» (цит. по: *Вышеславцев*, 1994, с. 139). Вряд ли возможно определить, когда – в историческом масштабе – человеческое *Я* приобретает импульс такого рода, стремясь не к чему-то определенному, но к самым пределам возможного. Карл Ясперс само появление человека современного типа связывал с появляющейся в «осевое время» рефлексией человека относительно границ и пределов своих возможностей. Ясперс полагал, что в те времена разрыв между возможностями большинства людей и возможностями отдельных личностей был существенно выше, нежели сейчас (*Ясперс*, 1994). Вполне очевидно, что границы человеческой деятельности задаются и объективными условиями, и личностными особенностями субъекта, например, способностями, мотивацией достижения успеха или избегания неудач в той или иной сфере. В более общем плане само социальное пространство может определяться как «набор возможностей действия» (*Левада*, 1993, с. 41). Способы реализации деятельности, закрепляющие содержащиеся в поведенческом поле возможности и шансы, играют важную роль в социальной дифференциации

и стратификации. Питирим Сорокин говорил в этой связи о «селекционирующих институтах» и подчеркивал значение характера препятствий, которые эти институты устанавливают для индивидов. Если эти препятствия «злокачественны» и «неадекватны», это ведет к печальным последствиям для всего общества. Если же они адекватны и правомерны, то и социальное распределение индивидов приведет к процветанию всего общества (Сорокин, 1992).

Одно из наиболее точных описаний того, как человек «стреноживает», редуцирует возможное, находим у М. Хайдеггера в трактате «Бытие и время»: «Эта нивелировка возможностей присутствия до ближайше доступного осуществляет вместе с тем зашоривание возможного как такового. Средняя повседневность становится слепа к возможностям и успокаивается одним “действительным”. Эта успокоенность не исключает расширенной деловитости озабочения, но возбуждает ее. Воля не волит тогда позитивных новых возможностей, но имеющееся в распоряжении “тактически” видоизменяется таким образом, что возникает видимость каких-то свершений» (Хайдеггер, 1997, с. 194).

Жизнь, насыщенная возможностями, ощутимо богаче и событийнее, чем жизнь, сведенная в плоскость актуального существования. Если «на одну единицу реальности приходится все больше возможностей» (Эпштейн, 2001, с. 238), культура прогрессирует, – точнее, по М.Н. Эпштейну, в этом состоит трансцендентная сторона прогресса.

Другое важное следствие жизни преимущественно в мире возможного – вынужденность время от времени преодолевать неопределенность. В силу глубокой специализации труда человек должен при этом обращаться к экспертам – носителям высококвалифицированного, порой уникального знания, носителям умения прогнозирования и оценки ситуации в своей профессиональной области.

Отношение общества к экспертизе и экспертам, а тем самым и к возможному будущему, ощутимо меняется по мере того, как социум становится, по известному выражению немецкого социолога У. Бека, «обществом риска». Именно посредством исчисления рисков, считает У. Бек, происходит «управление будущим». Рациональное отношение к риску позволяет переводить конкретные виды риска из разряда непрогнозируемых в разряд планируемых и рационально исчисляемых. Всё больше укрепляется понимание, что принятие рисков (и теми, кто их создает, и теми, кто им подвергается) имеет позитивное значение для прогресса общества. Большинство людей пользуется консультациями профессионалов – юристов, программистов, врачей, архитекторов – нерегулярно, но системы, в которые включено экспертное знание, определяют нашу жизнь постоянно. Экспертные системы вместе с символическими знаковыми системами «вырывают» социальные отношения из их непосредственности.

Элиты (инженерные, научные, экономические и т. д.), таким образом, являются носителями специфических знаний,

жизненно важных для функционирования не только технических систем, но и систем социальных отношений, возникающих в связи с ними. Отчасти авторитет элит основывается на доверии. Причем часто доверием облакаются не индивиды, не отдельные члены элитарного сообщества, а абстрактные возможности. Доверие к «абстрактным возможностям», видимо, специфично для западной культуры. М.Н. Эпштейн отмечает те сложности, с которыми сталкивается человек, привыкший к «незападному укладу жизни, с его тяжкими реальностями и еще более обязывающими идеальностями», когда перед ним также открывается «непрерывная цепь возможностей, в которой все труднее уловить хоть одно реальное звено» (Эпштейн, 2001, с. 235).

Заметим, что человек, взятый в аспекте его возможностей (более или менее сходных для всех людей), оказывается менее уникальным, чем в аспекте его действительности, его актуальной данности. Каждый из нас, кто хотя бы раз в жизни купит лотерейный билет, может стать обладателем крупного выигрыша; каждый с большой вероятностью сменит не одно место работы; каждый, увы, может стать жертвой техногенной катастрофы, живет ли он в мегаполисе или в поселке, затерянном в глухой тайге. Но уникальной будет именно конstellация результатов «совладания» с множеством своих возможностей.

Наконец, если рассматривать собственно психологический аспект проблемы, то постановка проблемы возможного

наряду с необходимым как одного из существенных оснований регуляции человеческой жизнедеятельности позволяет по-новому поставить и в каком-то приближении разрешить дилемму свободы – детерминизма в человеческой жизнедеятельности. С необходимостью действующие в мире законы создают детерминированность человеческой жизнедеятельности во многих ее аспектах, однако уникальность человеческого способа жизни состоит в том, что благодаря рефлексии, самодистанцированию, смыслу и творческому сознанию человек (и только человек) способен существовать не только в измерении необходимого, но и в измерении возможного, строя в нем особую форму причинности – самодетерминацию (подробнее см. *Леонтьев, 2008*). На этой основе оказывается возможной гуманитарная психология, изучающая человека в его взаимодействии со сферой возможного, в то время как психология естественнонаучная исследует его взаимодействие со сферой необходимого (*Леонтьев, 2009*).

Методологический смысл понятия потенциала в психологии и смежных науках

Таким образом, в последние 10–15 лет гуманитарные науки, и в том числе психология, все больше начинают обращать свое внимание на сферу возможного, занимающую центральное место в современном обществе. Очевидно, что

включение сферы возможного в поле интересов психологии требует разработки нового понятийного аппарата; такие категории, как черты, состояния, процессы, индивидуальность, акцентуации, диспозиции и др., оказываются неприменимы к этой новой реальности. Вместе с тем в русле неклассических течений в психологии получили разработку такие понятия, как деятельность, саморегуляция, смысл, временная перспектива, субъектность и др., которые составляют адекватную основу для решения задач нового уровня. В число этих новых и еще недостаточно осмысленных понятий, адекватных для нового витка развития психологической науки, входит и понятие потенциала.

Понятия потенциала, потенции не тождественны понятию возможности, однако содержательно раскрываются через соотнесение с ним. «Потенция в отличие от возможности – есть возможность, обладающая одновременно силой на свое осуществление» (*Мамардашвили, 1992, с. 151*). Потенция, таким образом, является разновидностью возможности, то есть тоже ростком будущего; вместе с тем, *потенция является самоактуализирующейся возможностью*, которая стремится к своей реализации независимо от отношения к этому субъекта, его рефлексии и выбора. Этим она отличается от *актуализируемой субъектом экзистенциальной возможности*, которая не может стать реальностью иначе, как через самоопределение субъекта по отношению к ней, ее осознанный выбор и принятие ответственности за ее реализа-

цию (см. *Сартр*, 2000, с. 67–68; *Леонтьев*, 2009).

Идея изначально заложенных в организме врожденных самоактуализирующихся потенций (potentialities), введенная в конце 1930-х гг. К. Гольдштейном, стала ключевым объяснительным принципом в теориях самоактуализации А. Маслоу и К. Роджерса и во многом определила облик сформировавшегося в конце 1950-х гг. движения гуманистической психологии (см. подробнее *Леонтьев*, 2002). Процесс разворачивания и раскрытия заложенных потенций описывался в русле этого подхода в терминах «полноценного человеческого функционирования» (К. Роджерс), «самоактуализации» (К. Гольдштейн, А. Маслоу), «самореализации» (Ш. Бюлер), «личностного роста» (К. Роджерс, К. Мустакас). Прикладная ветвь этого движения получила известность под названием «движение человеческого потенциала». По мнению гуманистических психологов, человеческим потенциалом обладает каждый человек, индивидуальные же различия состоят лишь в степени его раскрытия, или личностной зрелости. Идейным центром этого движения стал Эсаленский институт (США). Как отмечает один из создателей этого института Майкл Мэрфи, человек реализует за свою жизнь лишь небольшую часть того, что потенциально для него возможно, и изучение задокументированных экстраординарных проявлений человеческих способностей за пределами того, что представляется для обычного человека нормой, служит ключом к пониманию направленности и возможностей даль-

нейшей эволюции вида «человек» (*Мэрфи, 2009*).

В. Франкл (1990) метко назвал этот подход «потенциализмом», противопоставив его экзистенциалистской позиции, не рассматривающей реализацию возможностей как автоматический процесс: потенциальные возможности намного шире воплощенных, и человек сам решает, чему дать реализоваться, а чему нет (см. подробнее *Леонтьев, 1997*). Потенциализм оказал большое влияние на психологию личности второй половины XX в., обратив ее внимание на генетические ресурсы человека; вместе с тем, он оказался слеп к тем аспектам человеческих возможностей, которые не относятся к изначально данным, а складываются прижизненно в процессе бытия в мире.

В самом широком и общем смысле потенциал представляет собой силу, проявляющуюся в известных условиях. В обыденном сознании под потенциалом понимается то, что помогает достичь успеха, желаемого уровня жизни или выполнения деятельности; то, что предполагает раскрытие, разворачивание, развитие и т. п. Теоретическое осмысление этой реальности в научных работах пока представлено достаточно фрагментарно и немногим более конкретно, чем в обыденном сознании. Представителями гуманитарных наук потенциал рассматривается как источник скрытых возможностей для достижения целей, как направленность, придающая человеческой жизни ценность и смысл.

Нельзя не заметить, что объяснительный потенциал ка-

тегории «потенциал» (с уточнениями: человеческий, личностный, профессиональный и т. п.) реализован явно недостаточно. Психологические словари этот термин словно не замечают. Несколько легитимизировалось положение «человеческого потенциала» – ныне одной из наиболее актуальных междисциплинарных проблем, получивших к тому же «мировое признание», отчасти благодаря интеграции с проблематикой «устойчивого развития». Понятие человеческого потенциала «переопределяется», конкретизируется в различных аспектах его изучения: социально-организационном, экономическом, социально-экологическом и экзистенциальном. Сформулированы понятия психофизиологического потенциала (*Медведев, Зараковский, 1994*), базового, деятельностного, психологического потенциала – как индивидуального, так и популяционного (*Зараковский, Степанова, 1998, Зараковский, 2009*), профессионального потенциала личности (*Маноха, 1995*), личностного потенциала (*Солнцева, Смолян, 1999; Резник, Смирнов, 2002; Резник, 2007*), интеллектуального потенциала (*Юдин, 2007; 2008*), инновационного потенциала (*Клочко, Галажинский, 2009*). В авторитетном двухтомнике Союза международных научных обществ, названном «Энциклопедия мировых проблем и человеческий потенциал», предложено следующее определение: «Потенциал человека – способность индивида к самовыражению, самоактуализации и самореализации... Реализуется потенциал человека в защите таких ценностей,

как правдивость, доброта, искренность, красота, оптимизм, справедливость и порядочность, естественность поведения, организованность, дисциплинированность; в постоянном самоусовершенствовании, в результативности, продуктивности деятельности» (цит. по: *Зараковский, Степанова, 1998, с. 53; Зараковский, 2009, с. 119*).

Сейчас проблема потенциальных возможностей человека приобрела новое звучание в связи с ростом темпа и разнообразия изменений во всех сферах жизни. Более динамичный мир сегодня побуждает по-новому подходить к решению этой старой проблемы, ставя во главу угла динамические аспекты личности – готовность к желательным изменениям и устойчивость к нежелательным, а новые подходы к личностным характеристикам и их измерению открывают новые перспективы для решения этой задачи. В частности, к числу этих подходов относится позитивная психология – направление в психологии, развившееся в последнее десятилетие, доказывающее несводимость закономерностей позитивного развития человека к устранению проблем и нарушений и задающее новую проблемную область – позитивные состояния, черты личности и социальные институты (*Селигман, 2006*).

Отдельно стоит упомянуть родственное и довольно оригинальное понятие «психологический капитал». Это понятие введено по аналогии как с категорией капитала в экономике, где под ним понимают ресурсы, извлеченные из теку-

щего оборота и перенаправленные на перспективные ожидания (П. Друкер; цит. по: *Csikszentmihalyi*, 2004, p. 95), и с появившимися в последние десятилетия в науках о культуре и обществе понятиями «социальный капитал» и «символический капитал» (П. Бурдьё). Оно разрабатывается параллельно в двух вариантах. Одно понимание психологического капитала введено М. Чиксентмихайи (*Csikszentmihalyi*, 2003; 2004). Эта трактовка основана на идее ограниченного запаса психической энергии, которая, как и любые ресурсы, может «инвестироваться» в одни или другие виды деятельности, которые могут обеспечивать либо непосредственное удовлетворение, либо отсроченные выгоды, а может и «промаываться», не принося ни удовольствия, ни пользы. Пользу Чиксентмихайи в этом контексте рассматривает прежде всего в терминах развития навыков и повышения внутренней сложности. Примером занятий, ведущих к этому, могут служить благотворительная активность, спорт, творчество. Ресурсы внимания и психической энергии, вкладываемые в подобные занятия, обернутся в будущем прибылью, в то время как вложение их в занятия, приносящие непосредственные положительные эмоции, приведет к их потере. Ресурсы, вкладываемые в воспитание ребенка, превратятся в его социальный капитал и облегчат формирование его психологического капитала. При этом Чиксентмихайи подчеркивает, что речь не идет об «отсрочке удовлетворения» в духе протестантской этики; напротив, важно, чтобы занятия, спо-

собствующие формированию психологического капитала в терминах овладения более сложными умениями, несли в себе позитивные эмоции, но при этом требовали приложения усилий (*Csikszentmihalyi*, 2003, p. 79–80).

Вторая трактовка психологического капитала, получившая в последние годы заметное распространение и популярность в организационном контексте, вводит понятие психологического капитала в прикладном контексте проблемы позитивного организационного поведения, как ответ на вопрос о том, по каким критериям и достоинствам следует в первую очередь проверять и отбирать персонал для успешно работающих организаций (*Luthans, Youssef, Avolio*, 2007). Психологический капитал определяется в этом подходе операционально, как позитивное психологическое состояние развития, характеризующееся (1) уверенностью в себе, или самоэффективностью, позволяющей прикладывать необходимые усилия для решения сложной задачи; (2) оптимизмом как позитивной атрибуцией текущих и будущих успехов; (3) надеждой как упорством в стремлении к цели вкупе со способностью менять ведущие к ней пути и (4) резилентностью, то есть упругой устойчивостью к воздействию неблагоприятных обстоятельств (*ibid.*, p. 3). Авторы разработали опросник для диагностики психологического капитала, включающий четыре соответствующих шкалы; хотя они подчеркивают, что психологический капитал как целое не сводится к сумме четырех его составляющих и представляет собой объ-

яснительный конструкт более высокого порядка, чем просто очередной набор компетенций (*ibid.*, р. 19), в чем конкретно это проявляется, остается неясным. Хотя авторы сводят к минимуму теоретическое обоснование и осмысление своей модели, на уровне конкретных составляющих модель психологического капитала Ф. Лютанса с соавторами очень близка модели личностного потенциала, предлагаемой в данной книге.

При спорности прямых экономических аналогий, используемых как М. Чиксентмихайи, так и Ф. Лютансом с соавторами, понятие психологического капитала выражает уже отмеченную нами тенденцию движения к понятиям, характеризующим потенциальные возможности личности, которые не являются автоматически срабатывающими механизмами, порождающими неизбежные следствия, а служат ресурсами, находящимися в распоряжении субъекта, который может использовать их разными способами или не использовать никак.

Проблема личностного потенциала в современных науках о человеке

Проблема личностного потенциала, постепенно приходящая на смену проблеме человеческого потенциала, представляет собой современную постановку сравнительно традиционной проблемы психологических факторов и механизмов

динамической устойчивости и эффективности деятельности личности в изменяющемся мире. Эта проблема сама по себе не нова; она исследовалась в разном терминологическом оформлении – силы *Я*, защитных механизмов, совладания, саморегуляции, жизнестойкости и др., и в разных проблемных контекстах – психического здоровья, эффективности труда, стрессоустойчивости, развития личности в онтогенезе, реакции на травму и др. Актуальность этой проблемы в целом постоянно высока, начиная с ее первой теоретической версии – соотношения регулирующего *Я* и энергетического *Оно* (З. Фрейд), поскольку способность человека выполнять задуманное вне зависимости от внешних условий, в том числе в неблагоприятных условиях, является неоспоримой ценностью как во многих областях профессиональной деятельности, так и в повседневной жизни. Само понятие личностного потенциала, отличающееся от гуманистического понятия «человеческого потенциала» акцентом на его непредзаданность, качественное и количественное индивидуальное своеобразие и возможность целенаправленного развития, не является абсолютно новым; в последние годы к нему стали обращаться самые разные исследователи, что также говорит о его актуальности, хотя понимание личностного потенциала далеко от однозначности.

Понятие личностного потенциала было задано, в частности, через его соотношение с человеческим потенциалом, проблема которого разрабатывалась в междисциплинарном

аспекте в Институте человека РАН (*Генисаретский, Носов, Юдин, 1996; Келле, 1997; Авдеева, Ашмарин, Степанова, 1997; Человеческий потенциал: опыт... 1999; Человеческий потенциал России... 2002; Человеческий потенциал как критический ресурс... 2007* и др.). В частности, О.И. Генисаретский, Н.А. Носов и Б.Г. Юдин (1996) констатируют исчерпанность и неперспективность понятия «человеческий фактор», плохо поддающегося конкретизации и операционализации. Понятие же «человеческий потенциал», согласно духу русского языка и здравому смыслу, применимо не к отдельному человеку или группе людей, а к большим социальным группам и системам. Поэтому авторы предлагают переосмысление этого понятия применительно к разным «горизонтам» функционирования и развития общества. В частности, в социально-организационном горизонте человеческий потенциал переосмысливается как *человеческие ресурсы*, в экономическом горизонте – как *человеческий капитал*, в социально-экологическом – как *жизненный потенциал* (общая жизнеспособность) и в экзистенциальном, духовно-практическом – как *личностный потенциал* (*Генисаретский, Носов, Юдин, 1996, с. 12*).

Наиболее общий взгляд на потенциал личности предложил в свое время М.С. Каган (1972). Рассматривая личность через призму ее социальной деятельности, он дифференцировал пять основных видов человеческой деятельности и в соответствии с ними выделил различные виды потенциа-

лов личности: гносеологический (познавательный); аксиологический (ценностный); творческий; коммуникативный; художественный (эстетический). Гносеологический потенциал включает в себя такие психологические качества, которые реализуются в познавательной деятельности человека. Аксиологический потенциал личности определяется системой ценностных ориентаций личности в различных сферах жизни. Творческий потенциал определяется способностью к созидательной деятельности в различных аспектах труда. Коммуникативный потенциал определяется возможностями личности в сфере межличностного взаимодействия. Художественный потенциал реализуется в области эстетической деятельности (Каган, 1972).

Ю.М. Резник (2007) выдвигает почти столь же обобщенную интегративную модель личностного потенциала человека (ЛПЧ), состоящего из реализованных способностей (актуальных ресурсов) и не востребуемых или нереализованных возможностей (неразвитых способностей, задатков и др.). В структуру ЛПЧ он включает креативный центр личности, репертуар видов деятельности и технические навыки личности. ЛПЧ подразделяется на профессионально-квалификационный потенциал, информационно-познавательный потенциал, организационно-коммуникативный потенциал, духовно-нравственный потенциал и репродуктивный потенциал. Основными инструментами реализации ЛПЧ выступают личностные стратегии, в частности, стратегия жизненного

благополучия, стратегия жизненного успеха и стратегия самореализации.

Попытку формализовать понятие личностного потенциала, связав его с понятием успешности социальной адаптации, предложили В.Н. Марков и Ю.В. Синягин (*Марков, Синягин, 2000; Марков, 2002*), понимающие под потенциалом личности «систему ее возобновляемых ресурсов, которые проявляются в деятельности, направленной на получение социально значимых результатов» (цит. по: *Марков, 2002, с. 137*). Структурная модель, предложенная этими авторами, предполагает, что «все жизненные достижения личности, зафиксированные в ее биографии, суть внешние проявления ее потенциала и могут служить для оценки его уровня» (*там же*). Авторы предлагают сгруппировать эти достижения по различным ключевым сферам, составляющим структуру человеческой жизни, по которым и отслеживается реализация потенциала личности. В качестве таких сфер в упрощенном варианте были предложены следующие: здоровье; общение (в частности, общественная работа); учеба; увлечения (обеспечивающие вместе с учебой саморазвитие личности); работа (содержит успехи в области управления, творческие успехи в работе по специальности и социальную оценку трудовых достижений); семья; затраты на социальную мобильность (*там же*). Под последним компонентом подразумевается более или менее благоприятная стартовая жизненная позиция. Опираясь на число и уровень достижений в раз-

личных сферах, авторы предлагают количественно подсчитывать индекс потенциала личности, проявившегося в той или иной жизненной сфере. Ими используется «набор индексов, которые оценивают уровень реализации потенциала по группе стандартных направлений» (*там же*, с. 137–138). Этот подход характеризуется, во-первых, расширительным пониманием потенциала личности, в который включены, по сути, все ее полезные ресурсы, во-вторых, взглядом с позиции управленца, которого интересует не личность как таковая, а обобщенная картина ресурсов организации и популяции.

Широкую трактовку предлагает также Г.М. Зараковский (2009). Он вводит понятие психологического потенциала человека как ядра качества его жизни, указывая на переклички с такими понятиями, как ментальность и самоэффективность, а также ссылаясь на целый ряд подходов к личности в отечественной и зарубежной психологии. «Первоначально речь шла о психофизиологическом потенциале населения, затем был использован термин “популяционный психологический потенциал”. С 2000 г. используется термин “психологический потенциал” в двух вариантах: “психологический потенциал индивида” и “психологический потенциал населения”» (*Зараковский*, 2009, с. 133–134). Для нашего рассмотрения интерес представляет психологический потенциал индивида (ППИ), определяемый как «система психологических свойств личности, определяющая возмож-

ность успешной жизнедеятельности индивида в разных сферах жизни» (*там же*, с. 135). Автор выделяет разные группы свойств личности, из которых формируется ППИ, в их числе общая активность и установка на достижения, направленность личности, способности и регуляторные качества.

Обобщая взгляды ряда исследователей личностного потенциала, С.В. Величко отмечает, что «с позиций психологии потенциал выступает как психологическое явление, представляющее собой процесс непрерывного самосовершенствования и стремления к достижению вершин личностного, профессионального развития человека и реализации творческих возможностей и способностей» (*Величко*, 2004, с. 126–127). Общим во всех проанализированных подходах она считает изучение потенциала как активно проявляемого индивидом в окружающей среде ресурса, который формируется под воздействием субъективных и объективных, то есть внутренних и внешних, факторов. Автор отмечает, что «потенциал отдельно взятой личности превращается в социальную ценность через механизмы самореализации» (*там же*, с. 127), обеспечивая личности более гармоничное взаимодействие с окружающим миром.

В основе этого гармоничного взаимодействия с окружающим миром лежат, по мнению ряда авторов (С.В. Величко, А.Г. Маклаков и др.), способности изменять свои цели и стратегии их достижения в зависимости от изменяющихся условий окружающего мира, то есть способность быть ему

адаптивным. С.В. Величко отмечает, что «адаптивный человек способен корректировать свои цели и планы, чтобы использовать новые возможности, а также способен согласовывать противоположные требования: единообразия и разнообразия, стабильности и изменения, адаптации и саморегуляции» (*там же*). Подобная адаптивная включенность личности в окружающий мир обеспечивается тем, что именно внешний мир является сферой реализации жизненных планов, потребностей и стремлений.

Преломленный сквозь призму адаптации к окружающему миру личностный потенциал «обрастает» новым конструктом, отражающим соответствие или несоответствие психологических характеристик личности общепринятым нормам и условиям окружающего мира; этот конструкт – личностный адаптационный потенциал (ЛАП). Для исследования адаптивности как проявления личностного потенциала А.Г. Маклаковым был сконструирован Многоуровневый Личностный Опросник «Адаптивность». А.Г. Маклаков (2001) выделяет ряд личностных характеристик, которые отличаются относительной стабильностью и во многом определяют успех процесса адаптации в различных условиях деятельности. К ним могут быть отнесены поведенческая регуляция, коммуникативные качества и степень ориентации на общепринятые нормы поведения. По мнению автора, именно они обеспечивают эффективность процесса социально-психологической адаптации, определяют личностный адаптаци-

онный потенциал.

Рассматривая потенциал личности как ее адаптацию к общественным требованиям, различные авторы выделяют следующие личностные качества, составляющие потенциал личности или способствующие его реализации: культура системного мышления; культура организационного поведения; коммуникативная культура; умение работать в команде; толерантность; стремление к самообразованию и саморазвитию; высокая профессиональная ответственность; организаторские и лидерские качества; устойчивость к постоянно изменяющимся социальным, психологическим и экономическим факторам; гибкость и креативность мышления; оптимальный стиль поведения; умение представлять свои профессиональные и личностные качества; культура здоровья и здорового образа жизни (Материалы Всероссийского совещания... 2003).

В этой группе определений личностного потенциала содержится скрытое противоречие: с одной стороны, личностный потенциал рассматривается как генерализованная успешность деятельности, с другой – он при этом связан также со способностью адаптации к требованиям конкретного социума. При этом упускается из виду идея о том, что дезадаптация может быть как вынужденной, так и выбранной индивидом (*Калитеевская, 1997*). Иными словами, самореализация не всегда возможна в рамках, налагаемых требованиями успешной адаптации: так, обсуждая проблему творче-

ства, С. Мадди (*Maddi*, 1973) отмечает, что творчество есть всегда привнесение чего-то нового, в то время как задача общества состоит в том, чтобы сохранить некоторый *status quo*, существующее положение вещей, сопротивляясь нововведениям. В терминах культурно-исторического подхода такая проблема, на наш взгляд, связана с необходимостью разведения понятий социума и культуры. Таким образом, мы считаем необходимым связывать личностный потенциал с самореализацией, однако не во всех случаях самореализация сочетается с успешной адаптацией; напротив, порой она осуществляется за ее счет (см. *Леонтьев*, 2004). Попытку рассмотреть личностный потенциал (не проводя строгого различения с понятием «человеческого потенциала») с позиций самореализации сделал И.И. Ашмарин (1999). На примере биографий почти неизвестного строителя Шевалья и прославленного архитектора Эйфеля он показал, что личностный, или человеческий, потенциал составляет ядро личности, минимально подверженное влиянию социальной среды и позволяющее человеку преодолевать сложные ситуации.

Подходы к личностному потенциалу в практической психологии

Часто встречается реклама психологических тренингов, где предлагается раскрыть, развернуть, развить личностный потенциал, под которым обычно понимается эклектич-

ная совокупность волевых качеств, навыков противостояния жизненным трудностям и психологическому давлению, умения находить и принимать решения в нестандартных ситуациях, способствующих адаптации личности в различных жизненных ситуациях и разворачиванию, актуализации своей индивидуальности. Реализация личностного потенциала предполагает снятие несоответствия между притязаниями человека, уровнем достижений, на которые он рассчитывает, его планами и целями и оценкой им реально достигнутого, между его идеальными и реальными целями, что сопровождается удовлетворенностью деятельностью, предполагает максимальное развитие способностей и совершенствование качеств личности.

Множество имеющихся определений либо туманны и обтекаемы, не позволяют понять специфику личностного потенциала, либо чересчур жестко конкретизируют личностный потенциал через его функциональную спецификацию. Наряду с разнообразием определений, существует множество разнообразных методов оценки личностного потенциала, которые опираются на различные операциональные определения этого конструкта. Личностный потенциал измеряют при помощи анкетных и опросных методик, в ходе индивидуального ассессмента и в ассессмент-центрах, при помощи глубинного интервью и контент-анализа продуктов мыслительной деятельности и т. д. Эти процедуры используются как при оценке кандидатов, так и при аттестации имеющего-

ся персонала, чтобы с опорой на личностный потенциал сотрудника в дальнейшем более эффективно планировать его карьеру.

Вот некоторые из перечней качеств, раскрывающих содержание конструкта личностного потенциала. В оценке личностного потенциала государственных служащих особое значение имеют следующие факторы: «зрелость и ответственность в принятии решений (готовность отвечать за последствия принятых решений, обоснованность и самостоятельность в принятии решений); инициативность (делать больше того, что требуется; действовать, а не искать оправданий; активно и энергично влиять на события); адаптивность (готовность к изменениям; умение изменять способы поведения при изменении ситуации); высокая мотивация к достижению социально значимых целей и поставленных задач» (Сидорова, 2003). В некоторых системах по оценке личностного потенциала соискателя на должности менеджера среднего и высшего звена (например, как в Jensen International & Co) его диагностика дробится на такие составляющие, как лидерский потенциал, потенциал к командной работе, потенциал мотивации, потенциал к самостоятельной работе, потенциал целеустремленности, инновационный потенциал и потенциал исполнителя. При оценке претендентов на стипендию Фонда В. Потанина (ХК «Интеррос») личностный потенциал составляют лидерские качества, высокий интеллект, целеустремленность, умение

нестандартно мыслить, организаторские способности. Видно, что все эти перечни опираются не на какую-либо теоретическую модель, а на практический опыт и здравый смысл. В этом и сила, и слабость этих подходов: сила – в неслучайности выбора компонентов, а слабость – в возможности оценить их актуальный уровень, но невозможности объяснить их формирование и предсказать динамику.

Ряд подходов связывают личностный потенциал с успешностью осуществления индивидом той или иной деятельности. Например, коммуникативно-личностный потенциал, по мнению В.Н. Куницыной, – это комплекс свойств, облегчающих или затрудняющих общение, на основе которого формируются такие интегральные коммуникативные свойства, как психологическая контактность и коммуникативная совместимость, он является основным стержнем социального интеллекта (*Куницына, Казаринова, Погольша, 2001*). В.М. Погольша считает, что личностные свойства лидера совпадают с комплексом социально-психологических характеристик, являющихся «потенциалом» субъекта, успешно оказывающего личное влияние. Комплексом коммуникативно-личностных свойств, составляющих потенциал субъекта, по мнению авторов, являются: легкость общения, навыки общения, адаптивность, уверенность, активная позиция во взаимодействии, мотив достижений, аффилиация, понимание собеседника и социальный интеллект (*там же*).

Похожим образом определяется профессионально-лич-

ностный потенциал: авторы понимают под ним соответствие профессиональной реализации потенциала личности требованиям, предъявляемым человеку его профессией. Такие требования фиксируются в виде профессиограммы (см., например *Романова, Суворова*, 1990; *Маркова*, 1996). Реализация личностного потенциала в профессиональном аспекте предполагает достижение личностью определенного уровня развития как в операциональной сфере профессии, так и личностном плане.

С успешностью самореализации в учебной деятельности связывает понятие личностного потенциала И.И. Белякова (2003). По ее мнению, успешной самореализации личности студента, раскрытию его потенциальных способностей в процессе обучения может способствовать развитие у него определенных личностных качеств, таких как волевые качества, рефлексия, осознание своих целей и возможностей, освоение навыков самопознания и саморегуляции. Необходимым условием развития личностного потенциала И.И. Белякова считает достижение личностной идентичности и принятие себя. Чем выше уровень развития личности, тем большим потенциалом она характеризуется. Т.В. Черняновская, Ю.В. Шептицкая и Е.В. Костенко (2004) выявили, что степень адаптивности студентов, которую можно рассматривать как личностный потенциал, зависит от четырех основных личностных характеристик: уровня самооценки и самопринятия; особенностей эмоциональной сферы; особенностей по-

ведения и способности к эмпатии.

Общим для всех отмеченных подходов является то, что личностный потенциал определяется операционально через успешность самореализации в той или иной деятельности и нередко сводится к набору способностей и навыков, способствующих осуществлению этой деятельности. При этом в понятии «потенциал» акцентируется, что это в основном еще нераскрытые способности, которые подлежат выявлению и включению в деятельность с целью более полной самореализации субъекта в ней. Иногда в рассмотрение включаются некоторые личностные особенности, неспецифичные для конкретной деятельности, однако их роль вторична. Подобный способ определения личностного потенциала может оказаться практически полезным, однако смысл понятия «личностный потенциал» оказывается здесь суженным до предпосылок успешности определенной деятельности; во всех этих случаях понятие «потенциал деятельности (общения, обучения)» было бы более уместным.

Заключение

В данной главе мы обсудили постановку проблемы человеческого и личностного потенциала в психологии и смежных науках, связав ее с возрастающим смещением фокуса внимания психологии со сферы необходимого на сферу возможного. Проследив исторические тенденции, мы пришли к

выводу о том, что идея потенциала личности представляет собой закономерное порождение современного уровня развития наук о человеке. Интеллектуальный, творческий, личностный потенциал – особого рода возможность, которая, реализуясь, все время сохраняется как возможность дальнейшей деятельности.

В настоящее время, однако, эта идея еще не обрела очертания строгой концепции и остается, по сути, не более чем полезной эвристикой. Вместе с тем, она оказывается крайне актуальной, заполняющей очень важный пробел в понимании механизмов взаимодействия человека с миром, и ее систематическая разработка относится к числу приоритетных задач. Далее будут подробно представлены некоторые другие подходы к рассматриваемой проблеме и, в частности, базовая для нашего подхода концепция, связывающая понятие личностного потенциала с психологическими принципами и моделями саморегуляции.

Литература

Авдеева Н.Н., Ашмарин И.И., Степанова Г.Б. Человеческий потенциал России: факторы риска // Человек. 1997. № 1. С. 19–33.

Ашмарин И.И. «...Сладостное и всегда новое удовольствие...» // Человек. 1999. № 3. С. 170–185.

Белякова И.И. Факторы, препятствующие реализации

личностного потенциала студента и его успешной интеграции в процессе обучения в ВУЗе / Вторая Всероссийская Internet-конференция. «Потенциал личности: комплексная проблема» (с изданием и рассылкой материалов). 2003. Тамбов. www.tsu.tmb.ru.

Балтес П.Б. Всевозрастной подход в психологии развития: исследования динамики подъемов и спадов на протяжении жизни // Психол. журн. 1994. Т. 15. № 1. С. 60–80.

Величко С.В. Роль личностного потенциала в процессах социальной реадaptации // Перспективные информационные технологии и интеллектуальные системы. 2004. № 1 (17). С. 126–130.

Вьшеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса / Вступ. ст., сост. и коммент. В.В. Сапова. М.: Республика, 1994.

Генисаретский О.И., Носов Н.А., Юдин Б.Г. Концепция человеческого потенциала: исходные соображения // Человек. 1996. № 4. С. 5–21.

Зараковский Г.М. Качество жизни населения России: психологические составляющие. М.: Смысл, 2009.

Зараковский Г.М., Степанова Г.Б. Психологический потенциал индивида и популяции // Человек. 1998. № 3. С. 50–60.

Иванченко Г.В. Социокультурное пространство как пространство возможностей: объективное и субъективное измерения // От массовой культуры к культуре индивидуальных миров: новая парадигма цивилизации: Сб. статей. М.: Изд-

во Гос. Ин-та искусствознания, 1998. С. 341–356.

Каган М.С. Морфология искусства. Л.: Искусство, 1972.

Калитеевская Е.Р. Психическое здоровье как способ бытия в мире: от объяснения к переживанию // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М.: Смысл, 1997. С. 231–238.

Келле В.Ж. Человеческий потенциал и человеческая деятельность // Человек. 1997. № 6. С. 5–14.

Клочко В.Е., Галажинский Э.В. Психология инновационного поведения. Томск: Томский гос. ун-т, 2009.

Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погорыша В. М. Межличностное общение: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2001.

Левада Ю. К проблеме изменения социального пространства-времени в процессе урбанизации // Статьи по социологии. М.: Изд. Фонда Макартуров, 1993. С. 34–49.

Левин К. Динамическая психология: Избранные труды / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.Ю. Патяевой. М.: Смысл, 2000.

Леонтьев Д.А. Что такое экзистенциальная психология? // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М.: Смысл, 1997. С. 40–54.

Леонтьев Д.А. Самоактуализация как движущая сила личностного развития: историко-критический анализ // Современная психология мотивации / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 13–46.

Леонтьев Д.А. Пути развития творчества: личность как определяющий фактор // Воображение и творчество в образовании и профессиональной деятельности: Материалы чтений памяти Л.С. Выготского: Четвертая Международная конференция. М.: РГГУ, 2004. С. 214–223.

Леонтьев Д.А. Причинность и объяснение в психологии личности: от необходимого к возможному // Эпистемология и философия науки. 2008. Т. 17. № 3. С. 127–142.

Леонтьев Д.А. Психология как гуманитарная наука: от дисциплины необходимого к «цветущей сложности» возможного // Прогресс психологии: критерии и признаки / Под ред. А.В. Журавлева, Т.Д. Марцинковской, А.В. Юревича. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 95–110.

Маноха И.П. Человек и потенциал его бытия. Опыт синтеза онтологических и психологических познавательных техник. Киев: Стимул К, 1995.

Маклаков А.Г. Человек в экстремальных условиях и личностный адаптационный потенциал // Психол. журн. 2001. Т. 22. № 1. С. 16–24.

Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. 2-е изд., изм. и доп. М.: Прогресс; Культура, 1992.

Марков В.Н. Личностные основы социальной устойчивости // Общественные науки и современность. 2002. № 1. С. 136–143.

Марков В.Н., Синягин Ю.В. Потенциал личности // Мир психологии. 2000. № 1. С. 31–40.

Маркова А.К. Психология профессионализма. М.: Знание, 1996.

Материалы Всероссийского совещания по вопросам формирования социально-психологического портрета будущего специалиста. Ульяновск. 4–5 декабря 2003 г.

Медведев В.И., Зараковский Г.М. Психофизиологический потенциал как фактор устойчивости популяции в условиях глобальных изменений природной среды и климата // Физиология человека. 1994. Т. 20. № 6. С. 5–15.

Мэрфи М. Будущее тела: исследование дальнейшей эволюции человека. М.: РИПОЛ Классик; Открытый мир, 2009.

Ортега-и-Гассет Х. О спортивно-праздничном чувстве жизни // Филос. науки. 1991. № 12. С. 137–152.

Резник Ю.М. Личностный потенциал и стратегия жизни человека // Человеческий потенциал как критический ресурс России / Отв. ред. Б.Г. Юдин. М.: Институт философии РАН, 2007. С. 119–125.

Резник Ю.М., Смирнов Е.А. Стратегии жизни личности (опыт комплексного анализа). М.: Институт человека РАН, 2002.

Романова Е.С., Суворова Г.А. Психологические основы профессиографии. М.: МПГУ им. В.И. Ленина, 1990.

Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М.: Республика, 2000.

Селигман М. Новая позитивная психология. М.: София, 2006.

Сидорова М.А. Научный прогноз эффективности кадров

управления как фактор развития региона // Материалы интернет-конференции «Стратегия развития Дальнего Востока России: возможности и перспективы». Хабаровск. 12–13 февраля 2003 г. www.festrategy.ru.

Солнцева Г.Б., Смолян Г.Л. Человеческий потенциал: размышления о содержании понятия // Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода / Под ред. И.Т. Фролова. М.: УРСС, 1999. С. 55–61.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонова; Пер. с англ. М.: Республика, 1992.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. В.В. Библихина. М.: Ad Marginem, 1997.

Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода / Под ред. И.Т. Фролова. М.: УРСС, 1999.

Человеческий потенциал России: интеллектуальное, социальное, культурное измерения / Под ред. Б.Г. Юдина. М.: Институт человека РАН, 2002.

Человеческий потенциал как критический ресурс России / Отв. ред. Б.Г. Юдин. М.: Институт философии РАН, 2007.

Черняновская Т.В., Шептицкая Ю.В., Костенко Е.В. Личностные особенности, способствующие социально-психологической адаптации студентов к ВУЗу // Третья Всероссийская интернет-конференция «Потенциал личности: ком-

плексная проблема» (с изданием и рассылкой материалов). Тамбов. 15–17 июня 2004 г. www.tsu.tmb.ru.

Эпштейн М.Н. Философия возможного. СПб.: Алетейя, 2001.

Эшби У.Р. Принципы самоорганизации // Принципы самоорганизации. М.: Мир, 1966. С. 314–343.

Юдин Б.Г. Интеллектуальный потенциал личности // Человеческий потенциал как критический ресурс России / Отв. ред. Б.Г. Юдин. М.: Институт философии РАН, 2007. С. 126–136.

Юдин Б.Г. Интеллектуальный потенциал личности и инновационное развитие страны // Инновационное развитие России и человеческий потенциал молодежи / Отв. ред. Б.Г. Юдин. М.: Институт философии РАН, 2008. С. 5–14.

Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем. 2-е изд. М.: Республика, 1994.

Csikszentmihalyi M. Good Business: Leadership, Flow, and the Making of Meaning. N.Y.: Penguin, 2003.

Csikszentmihalyi M. Materialism and the evolution of consciousness // Kasser T., Kanner A.D. (Eds.). *Psychology and Consumer Culture: The Struggle for a Good Life in a Materialistic World*. Washington (DC): American Psychological Association, 2004. P. 91–106.

Luthans F., Youssef C.M., Avolio B.J. Psychological Capital: Developing the Human Competitive Edge. N.Y.: Oxford

University Press, 2007.

Maddi S.R. Creativity is strenuous // The University of Chicago Magazine. 1973. Vol. 66, № 2. P. 18–23.

Подход через развитие эго: уровневая теория Дж. Лёвинджер Д.А. Леонтьев

Из числа теорий, описывающих личность на языке функций саморегуляции в самом широком смысле слова, выделяется теория развития эго Джейн Лёвинджер (*Loevinger*, 1976). В подходе Лёвинджер, разработанном на стыке психологии личности и психологии развития, глубокая проработка теоретических взглядов на возрастное развитие основ личности на всем протяжении детства и взрослости сочетается с успешным методическим воплощением теории с помощью специальной методики незаконченных предложений.

Теория Лёвинджер, на наш взгляд, на сегодняшний день является наиболее развернутой и убедительной из существующих теорий личностного развития. Она более современна, чем популярная эпигенетическая теория Э. Эриксона, более продумана и рационализирована, чем периодизация Г. Олпорта, и лишь инерцией можно объяснить то, что эта теория еще не успела занять в современной психологии подобающее ей место, хотя она и пользуется несомненным признанием.

Эго и его развитие

Лёвинджер берет за основу именно понятие «эго», поскольку оно лучше всего из ряда родственных понятий выражает управляющее начало, связанное с сознанием и контролем над другими функциями, становление которого находится в центре ее внимания. Развитие эго выступает для нее как развитие характера. Понятие «эго» ввел Фрейд, но он, как отмечает Лёвинджер, редко его использовал, предпочитая понятие *Я* (*das Ich*), и лишь тогда, когда встала проблема перевода его терминологии на английский (*Loevinger*, 1976, p. 4), понятия «эго», «ид» и «суперэго» вошли в широкий оборот. Для Фрейда главным фокусом внимания была сфера бессознательного, влечений, Оно, а эго выступало лишь вторичным инструментальным механизмом. Лишь к концу жизни внимание Фрейда начало смещаться на сферу эго, а окончательно поставили его в центр модели личности Анна Фрейд и направление в психоанализе, известное как эго-психология (Х. Кохут и др.). Но Лёвинджер указывает в качестве отправной точки своего подхода теорию Адлера, который первым стал отстаивать главенствующую роль эго по отношению к сфере влечений, в чем Лёвинджер усматривает главную причину его разрыва с Фрейдом в 1911 году (*ibid.*, p. 8).

За понятием «эго» стоят механизмы саморегуляции, ме-

ханизмы контроля и овладения своим поведением, что сближает не только взгляды Фрейда и Адлера между собой, но и их взгляды с точкой зрения Л.С. Выготского, который связывал сущность личности с понятием овладения. Практически вся теория Лёвинджер описывает развитие саморегуляции. Развитие эго – это постепенное обретение большей автономии, большего управления своим поведением, большего контроля над непроизвольными механизмами.

«Прежде всего эго – процесс, а не вещь. Эго некоторым образом подобно гироскопу, который сохраняет вертикальную позицию благодаря вращению. Если взять другую метафору, эго напоминает арку, про которую архитекторы говорят, что арка никогда не спит. Это означает, что напряжения в структуре арки сохраняют ее форму и поддерживают здание. Пиаже использует в этой связи термин “мобильное равновесие” – чем мобильнее, тем стабильнее» (*ibid.*, р. 58–59).

Обобщая, Лёвинджер выделяет пять фундаментальных характеристик эго: (1) это процесс; (2) это структура; (3) оно социально по происхождению; (4) оно функционирует как целое; (5) оно управляется целью и смыслом (*ibid.*, р. 67). Эго не тождественно личности в целом, это скорее близко к тому, что человек мыслит как свое Я при взгляде изнутри.

Методологические проблемы выделения стадий развития

Методологический анализ понятия «развитие» в теории личности, включенный в книгу Лёвинджер, был выполнен ее сотрудником А. Блази. Этот анализ также носит нетрадиционный характер. Блази выделяет два центральных аспекта личности, имплицитно содержащиеся в структурном подходе: осознание себя и переживание свободы (*Blasi, 1976, p. 30*). Оба они не вписываются в чисто структурный подход. Про личность в целом можно сказать, что она, во-первых, конкретна, обладает содержанием, имеет какое-то количество более или менее четко определяемых черт, которые могут быть универсальными, общевидовыми, а могут быть и менее универсальными. Во-вторых, личность обладает сознанием; в-третьих, личность обладает свободой. Автономия и сознание свойственны прежде всего зрелым состояниям эго (*ibid., p. 41*).

Развитие рассматривается как особая разновидность внутренних изменений, при которой происходит не просто появление новых элементов, но меняется структура, связывающая между собой элементы. Любая новая структура предполагает определенную ломку старой структуры, и она не может быть достигнута просто путем сложения и вычитания, а только через установление нового принципа, который

по-новому выстраивает отношения между частями, элементами этой структуры.

Невозможно объяснить развитие личности ссылками на формальные когнитивные структуры, как это делает Пиаже. Теория Пиаже – это теория когнитивного развития, а не теория личности. Когнитивные структуры представляют собой определенные системы возможностей. Более зрелые когнитивные структуры расширяют спектр возможностей: чем они более зрелы, тем более широкий и дифференцированный мир нам открывается. Но при этом мы все равно должны сделать какой-то выбор из этого бесконечного поля возможностей, перевести то, что возможно, в то, что есть. В том, чтобы переводить необъятную потенциальность в реальность, и состоит основная функция личности, в отличие от когнитивного развития. Личность позволяет нам выбирать, определяться, действовать по отношению к когнитивной структуре. В этом плане личность фактична и детерминирована, говорит Блази. «Личности суть структуры – формы жизни, как называли их Шпрангер и Витгенштейн, – но структуры иной природы, нежели когнитивные структуры. Предпосылка данной книги состоит в том, что люди, развиваясь, проходят через упорядоченную последовательность таких структур» (*ibid.*, р. 45). Общее с теорией Ж. Пиаже состоит в том, что каждая стадия развития понимается как характеризующаяся своей структурой. Стадии связаны между собой и образуют единую последовательность. При этом когнитивные структуры

обеспечивают индивиду более или менее широкий спектр альтернатив. Выбор же реальной траектории развития определяется другими, некогнитивными факторами или правилами.

Когда мы говорим о стадиях, мы имеем в виду не гладкое последовательное скольжение от низшего уровня к высшему, а движение прерывистое и неравномерное. Но то, что внешне выглядит дискретными прерывными стадиями, на самом деле, как показывает анализ, является определенными остановками, этапами на пути единого движения. Развитие, таким образом, представляет собой единство прерывности и непрерывности (*Loevinger, 1976, p. 55*). То, что внешне кажется дискретным, может оказаться проявлением базовых закономерностей непрерывности, а то, что внешне кажется непрерывным, может быть дифференцировано на дискретные элементы.

Другое следствие из общего понимания развития состоит в том, что есть качественные различия самих переходов, самих направлений движения. Бывают переменные, которые меняются только количественно при движении от одного полюса к другому. Это *полярные переменные*. Есть переменные, которые характеризуются определенными изменениями и поворотами пути развития. Это *поворотные последовательности*. Различие между ними связано с тем, что в одном случае все развитие сводится к количественному наращиванию, в другом случае возникает более сложная карти-

на. Пример чисто полярных переменных – способности, хотя Пиаже показал, что то, что раньше классифицировалось в тестах способностей как неправильные ответы, на самом деле основывается на несколько иной логике.

Нельзя просто судить по количественной мере отдельного показателя, хорошо это или плохо. Психолог, обученный в бихевиористской традиции, неминуемо будет рассматривать стадии как полярные переменные, как, например, конформность: высокая конформность – это не очень хорошо, низкая конформность – это хорошо. В модели Лёвинджер человек с высокими баллами по шкале конформности находится на конформистской стадии личностного развития, но человек с низкими баллами по этой шкале может находиться как на доконформистской стадии развития, так и на послеконформистской. И нет техники, которая сможет выстроить последовательность развития эго из набора отдельных аспектов.

Ж. Пиаже и Б. Инельдер выделили в свое время несколько общих атрибутов понятия стадии, которые вполне применимы в нашем случае. Понятие стадии предполагает: (1) что есть некоторая неизменная последовательность, которая не может быть нарушена, ни одна из стадий не может быть пропущена; (2) что каждая стадия основывается на предыдущей, вбирает ее в себя и трансформирует и одновременно служит приготовлением к последующей; (3) что в каждой стадии существует своя внутренняя логика, которая обеспечивает равновесие и стабильность в ее рамках.

Само понимание траектории развития также может существенно различаться. Дж. Лёвинджер описывает целый ряд качественно разных ее трактовок (*Loevinger, 1976, p. 163–169*). Они наглядно представлены в виде графиков, отражающих зависимость развития психологической характеристики от возраста.

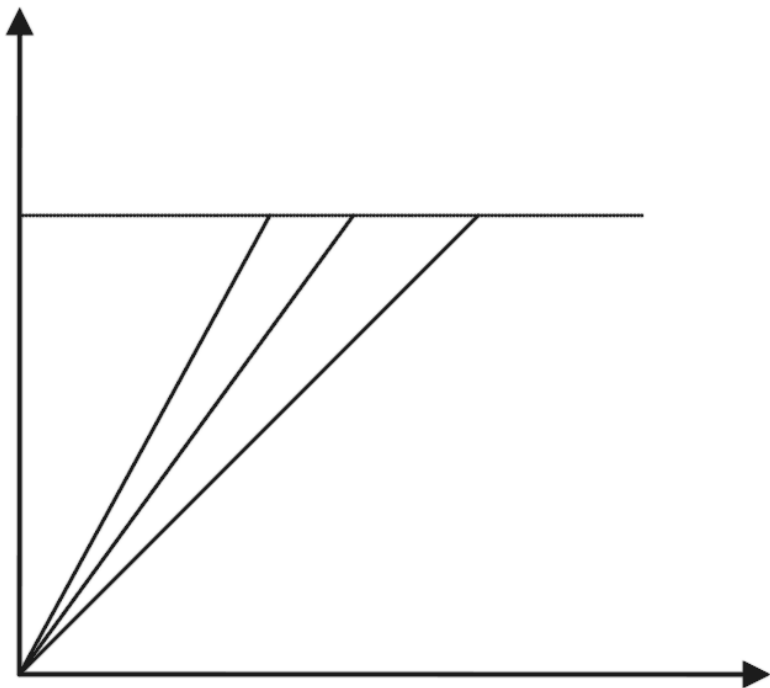

Рис. 1. Модель развития 1

Первая модель предполагает, что все в итоге достигают одного и того же определенного уровня, хотя темпы развития могут быть разными: одни быстрее выходят на этот уровень, другие медленнее (рис. 1).

Во второй модели константой является возраст, в котором развитие завершается. Темпы развития опять же могут быть разными, но независимо от них развитие прекращается в одном и том же возрасте: кто какого уровня достиг, на таком уровне и остается (рис. 2).

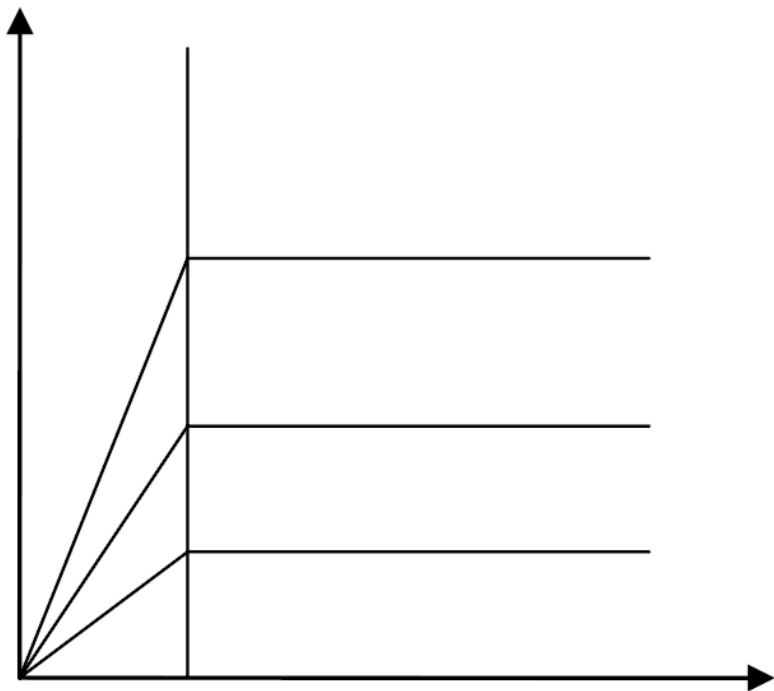

Рис. 2. Модель развития 2

В третьей модели единообразными выступают темпы развития, а различается итоговый достигнутый уровень. Развитие прекращается для разных людей в разном возрасте и соответственно на разном уровне.

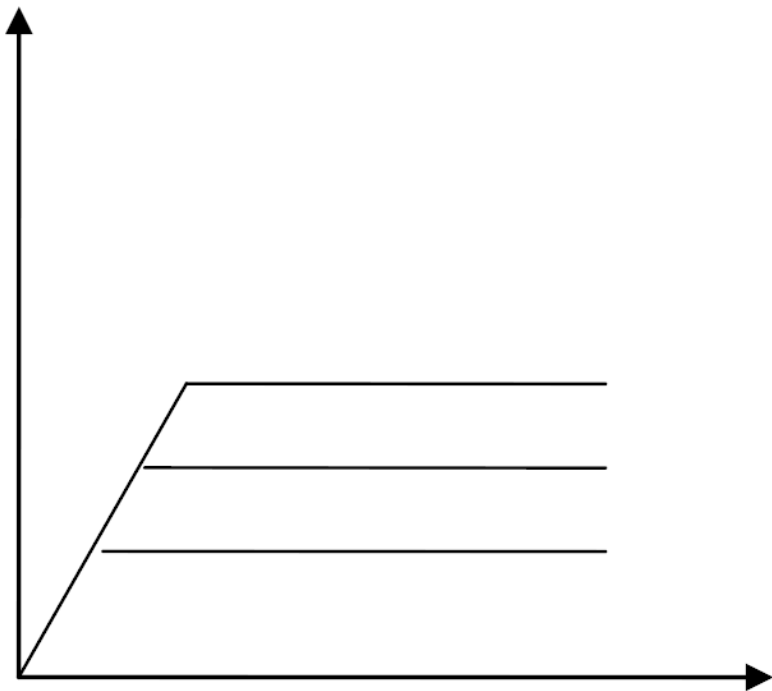

Рис. 3. Модель развития 3

Четвертая модель предполагает, что после достижения верхней точки следует движение вниз. Высшая точка развития – не конец развития, а промежуточный этап.

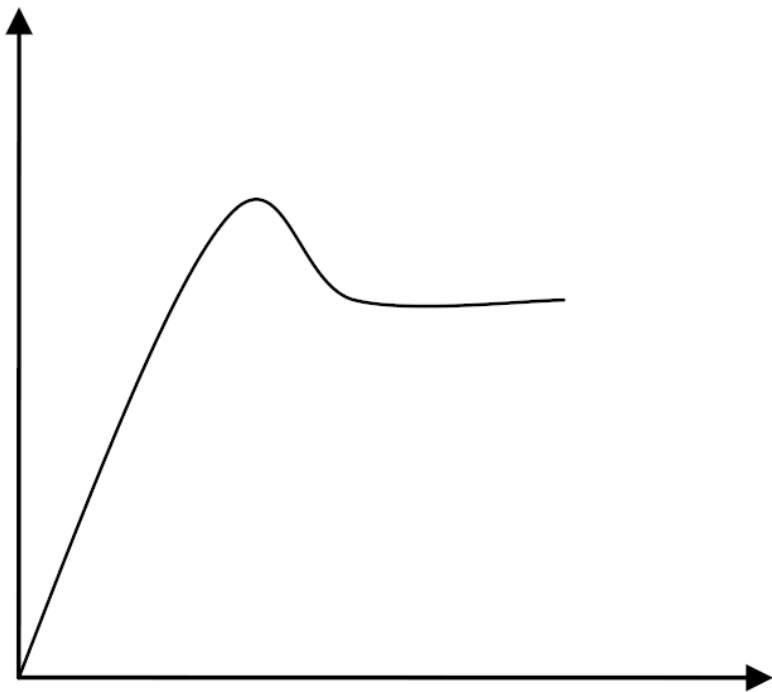

Рис. 4. Модель развития 4

Пятая модель напоминает модель развития базовых потребностей А. Маслоу (*Maslow, 1970*). Она описывает ситуацию, когда мы имеем дело не с одним процессом развития, а с накладывающимися друг на друга и сменяющимися друг друга разными процессами развития. Сначала один процесс оказывает определяющее влияние, затем следующий и т. д.

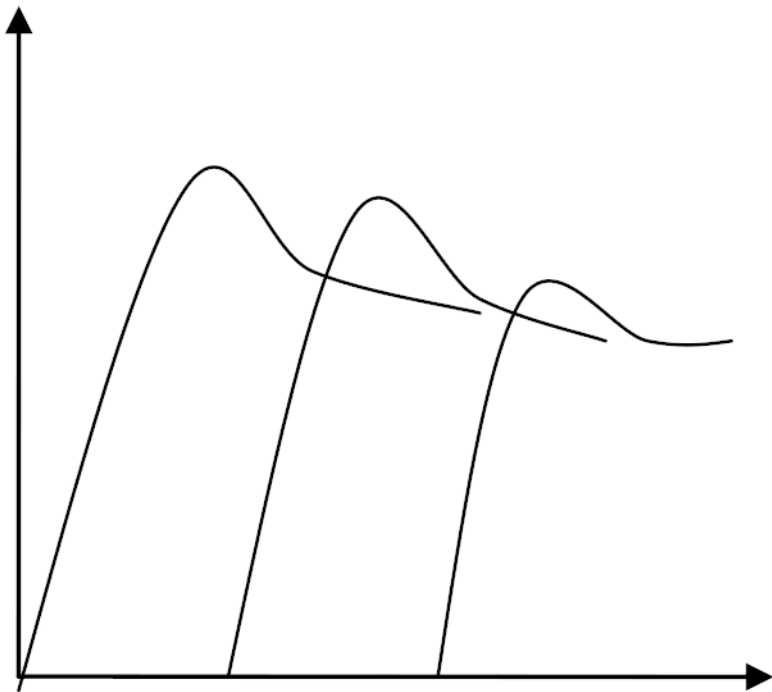

Рис. 5. Модель развития 5

Как известно, у детей разного хронологического возраста может быть одинаковый умственный возраст. Это означает, что у них разное развитие. Яркий трехлетка, средний пятилетка и тупой семилетка могут иметь один тестовый балл, но разные механизмы развития. Эти модели можно различать

по целому ряду параметров: обусловлены ли различия в основном скоростью и задержками развития в рамках одного и того же континуума или же любое отклонение от нормы есть деформация; вариативность в конечной точке минимальна или, наоборот, максимальна; темпы развития обнаруживают монотонную или немонотонную зависимость от возраста; зависит ли конечный достигаемый результат в точке зрелости от темпа развития, либо от того возраста, в пределах которого осуществляется развитие. Все это, накладываясь друг на друга, дает очень много разных трактовок, поэтому нельзя заранее механически определить, что такое развитие.

Наиболее упорной ошибкой исследователей, изучающих развитие личности, по Лёвинджер, является смешение высшей стадии развития со всем хорошим, что может быть в процессе развития. Конечная точка не является, однако, высшей точкой. Главная проблема – различение отдельных параметров, отдельных линий развития. «Природа не обеспечивает нам ортогональную Вселенную, организованную в столбцы и строки, где каждая вычленимая черта статистически независима от всех остальных» (*Loevinger, 1976, p. 176*).

Проблема периодизации развития эго

В теоретической модели Лёвинджер выделяется ряд последовательных стадий развития эго, которые задают четкую логику развития и выстраиваются в иерархию, отражающую

личностную зрелость. Она избегает жестко привязывать стадии развития эго к хронологическому возрасту; вопрос, какому возрасту соответствует каждая стадия, по ее мнению, не имеет ответа. «Во-первых, есть два разных ответа на этот вопрос, потому что средняя стадия, соответствующая данному возрасту, – это не то же самое, что средний возраст, соответствующий данной стадии» (*Loevinger, 1976, p. 13*). Во-вторых, пытаться описывать развитие усредненного ребенка означало бы, пишет Лёвинджер, соскользнуть обратно в исследования социализации классической детской психологии, что обесценило бы те цели и задачи, которые мы ставим, а именно: описать каждую стадию таким образом, который был бы применим к довольно широкому спектру возрастов.

Действительно, мы воспринимаем как само собой разумеющееся, что более ранние стадии развития в основном встречаются в детстве, реже встречаются позже, а более высокие стадии невозможны в детском возрасте и даже в подростковом возрасте они встречаются нечасто. Но, тем не менее, однозначного соответствия нет. Такой взгляд нетипичен для теорий развития, в которых обычно не находит отражения такой важный феномен как инфантилизм – встречаемость во взрослом возрасте плохо соответствующих ему более примитивных, детских форм поведения. В теории Лёвинджер феномен инфантилизма получает четкую интерпретацию. Действительно, есть определенное соответствие возраста и стадии развития, однако одна и та же стадия раз-

вития эго может встречаться в разном возрасте, и подход Лёвинджер описывает то общее в личностном развитии, что могут иметь люди даже в разном возрасте.

Лёвинджер считает методологически неверным не только привязку стадий развития эго к возрастной шкале, но и их привязку к каким-то специфическим вехам социализации, критическим точкам, таким как поступление в школу, половое созревание, брак и т. д. Лёвинджер также старается избежать нумерации стадий, хотя иногда их пытаются пронумеровать. Такая практика ведет, по словам Лёвинджер, в терминологический тупик, потому что развитие исследований ведет к изменению числа выделяемых стадий: исследования начинались с 4-уровневой шкалы, которая постепенно разрослась до 10-уровневой, причем дальнейшее развитие этой модели, по мнению Лёвинджер, никак нельзя исключить.

Само выделение стадий сталкивается со следующими методологическими трудностями.

1. Отсутствие взаимнооднозначного соответствия между конкретными формами поведения и лежащими в их основе чертами или диспозициями. Любое поведение может осуществляться по разным основаниям. Нет наблюдаемых однозначных признаков какого-то уровня, а только вероятностные.

2. Невозможно поставить испытуемым конкретные задачи, из решения которых можно извлечь то, что мы хотим знать про уровни развития эго. Проективные тесты не могут

обеспечить надежных, однозначных признаков, но структурированный тест отражает позиции того, кто его конструировал, то есть отражает в большей степени его уровень эго. А нас должно интересовать сознание самого субъекта, который заполняет тест, а не создателя теста. Поэтому следует больше использовать тесты проективного характера.

3. Разные формы и виды развития протекают одновременно, параллельно. И поэтому развитие эго не может не коррелировать с интеллектуальным и психосексуальным развитием на протяжении детства и подросткового возраста. Никакой способ обработки не позволит некоторую аггломерацию данных разделить точно по их компонентам и по их источникам. Поэтому теория должна быть первична, должна направлять исследование. Методы без теории бессмысленны.

4. Нет свободного от ошибок метода отделения эго от других переменных, которые могут с этим уровнем коррелировать, от IQ и до использования в ответах непечатной лексики, что значимо чаще встречается у испытуемых низких уровней эго. Но здесь фактор развития эго смешивается с фактором социально-экономического уровня. Разделение этих факторов в общем виде является нерешаемой задачей, и было бы ошибкой диагностировать на этом основании низкий уровень эго.

5. Любое поведение не привязано к какому-то одному уровню, а охватывает несколько уровней.

6. Любой признак развивается и проявляется не на одном,

а на разных уровнях. На одном уровне он проявляется в зачаточном и недифференцированном виде, а на другом уже в четком детализированном виде.

7. Может быть информативным только наличие поведенческого признака, но не его отсутствие, или только отсутствие, но не наличие. Так, в возрасте старше 4–5 лет уверенные навыки ходьбы мало что говорят об уровне развития, зато их недоразвитие весьма показательно.

8. Возможны разные стратегии умозаключения от фиксации некоторого поведенческого признака к уровню развития эго: либо через оценку вероятности отнесения испытуемого к данному уровню, либо через критериальный вывод об уровне развития, который необходимо должен наличествовать, чтобы данный ответ был возможен. Использование двух этих стратегий приводит к разным выводам.

9. Существует радикальное различие клинического мышления и психометрического мышления; в частности, клиницистам, составляющим весьма существенную часть психологов, работающих с детьми, чуждо вероятностное мышление, они больше склонны к опоре на непосредственное впечатление и преувеличивают взаимосвязанность разных признаков.

Общий вывод, который делает Лёвинджер из анализа этих затруднений, состоит в том, что методическая задача не может быть решена чисто технически без определяющей роли теоретической модели.

Не решает проблемы и движение к более дробной детализации, выделение подуровней и т. п.: всегда будут случаи, которые не укладываются в типологию, как бы она ни была детализирована. Более того, на основании разных признаков личность может быть отнесена к разным стадиям, и чем более дробную классификацию мы делаем, тем больше эта проблема обостряется. У людей с различными эмоциональными или психиатрическими проблемами или с травмами могут быть расхождения между уровнем функционирования в одних сферах и уровнем функционирования в других сферах, в условиях стресса возможны ситуации регрессии. Отнесение человека к какой-либо стадии означает, что это самый высокий уровень, на котором он может более или менее стабильно функционировать при данном уровне его развития.

Описание стадий развития

За три десятилетия, прошедшие после публикации книги Лёвинджер, теоретическая модель не получила заметного развития, чего нельзя сказать про методическое ее оснащение, о котором речь пойдет ниже. Следует отметить, что в сегодняшней практике работы с проективной методикой Лёвинджер нумерации стадий все-таки избежать не удалось.

Некоторые из стадий рассматриваются как основные, некоторые как переходные.

В качестве отправной точки рассматривается *досоциаль-*

ная стадия, основным содержанием которой выступает постепенное вычленение младенцем своего Я из окружающего мира. Про только что родившегося младенца нельзя сказать, что у него есть эго. Первая его задача – это научиться дифференцировать себя из окружения. В этом процессе одновременно конструируется реальность как устойчивый мир объектов и Я, отделенное от остального мира. «Ребенка, остающегося на этой стадии, где Я не отделено от мира неодушевленных объектов, намного дольше, чем следует, называют *аутистичным*» (Loevinger, 1976, p. 15).

Выделение собственного Я продолжается и на следующей, *симбиотической* стадии, на которой сохраняется симбиотическая связь ребенка с матерью или тем, кто ее заменяет, которая тормозит вычленение у ребенка собственного Я. Кроме вычленения себя из мира неодушевленных объектов, требуется вычленить свое Я из этой симбиотической связи. Использование языка во многом способствует процессу выделения своего Я. В частности, ключевым для перехода на следующую стадию служит слово «нет». Остатки, рудименты досоциальной и симбиотической стадий, в отличие от рудиментов других стадий, не обнаруживаются в более поздних возрастах через речевые формы, в частности, через незаконченные предложения, потому что это доречевые стадии.

Далее следует *импульсивная* стадия; собственные импульсы ребенка помогают ему утвердить свою отдельную идентичность. Эта стадия развития иногда описывалась в терми-

нах дошкольного негативизма или «первого рождения личности» (Леонтьев А.Н., 2004). Ребенок на этой стадии сконцентрирован на телесных импульсах, особенно агрессивных и (в свойственных данному возрасту формах) сексуальных, сосредоточен почти исключительно на настоящем, хотя когнитивные предпосылки уже дают возможность схватывать идею причинности. Ребенок сталкивается сначала с ограничениями своих импульсов, потом с вознаграждениями или наказаниями за проявления тех или иных импульсов. Наказания рассматриваются как заложенные в природу вещей, природу отношений, при этом присутствует очень сильная нужда в других людях, которые оцениваются как хорошие или плохие в зависимости от того, что они могут ему дать. Это не собственно моральные, а утилитарные оценки. Эмоции могут быть интенсивными, но они «почти физиологические», непосредственные; настоящее преобладает над прошлым и будущим. Ребенка, задержавшегося на этой стадии, часто называют *неуправляемым*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.